

Призрачный омут

Автор:

[Адриана Мэзер](#)

Призрачный омут

Адриана Мэзер

Trendbooks thriller

Саманта Мэзер принадлежит к проклятому роду. Призраки, духи и злой рок преследуют девушку с тех пор, как она поселилась в Салеме.

В 1912 году тетя и дядя Саманты Мэзер взошли на «Титаник». Спустя сто лет после трагических событий Саманта начинает видеть сны о зловещем корабле. Чем больше девушка погружается в мир снов, тем страшнее становится опасность, которая ей грозит.

Сможет ли она изменить прошлое, пока призрачный омут не затянул ее в свои глубины навсегда?

Адриана Мэзер

Призрачный омут

Моей потрясающей семье. Вы всегда поддерживали мои мечты и помогали ко всему относиться с юмором. Вы – мои герои!

Глава 1

Избежать любой ценой

Я отпиваю немного горячего какао, не дешевого разведенного порошка из пакетика, а настоящего домашнего напитка с густым шоколадным вкусом. Миссис Мэриверзер ставит тарелку исходящих паром круассанов на середину обеденного стола. Они ароматно пахнут тающим сливочным маслом, а Джексон ухмыляется, готовясь выпиться зубами в тост:

– Ты опять с утра выглядишь как панк-рокерша.

Ощупываю волосы и чувствую, что они действительно встали торчком. Улыбаюсь.

– Зато не забыла смыть зубную пасту с лица.

Джексон даже не оглядывается на мою фразу, а продолжает спокойно жевать.

– Сэм против Джекса – утро понедельника, раунд первый, – комментирует отец, наливая вторую порцию кофе в кружку с надписью «ПАПА НОМЕР 1», и смотрит на миссис Мэриверзер. – Боюсь, наши дети пошли по нашим стопам, Мэй. Соседи, лучшие друзья, угрюмые характеры.

Миссис Мэриверзер прикладывает к уголкам рта белую тканевую салфетку и заявляет:

– Я была ангелом, если мне память не изменяет. Это твоя мама грозила, что ее сын будет целый месяц полоть сорняки в саду, если она еще раз найдет рогатку на своем рабочем столе.

Папа улыбается ей в ответ, а я внезапно замираю, переставая жевать. Пока он лежал в коме, я словно брела по бесконечному темному коридору. Уверена, когда-нибудь я привыкну, что он вот так просто сидит рядом, пьет кофе и улыбается. Но последние шесть месяцев каждое мгновение с папой кажется украденным временем.

– Ни для кого не секрет, что рогатка была твоя. – Глаза папы лукаво поблескивают. – Не рановато для склероза? Может, тебе стоит чаще

разгадывать кроссворды?

Миссис Мэрирезер поднимает брови.

– Осторожней со словами, Чарли, а то я расскажу, как ты пытался подшутить над мисс Уолтерс. Ключевое слово здесь «пытался». – Она поворачивается к нам с Джексон. – Думаю, вы знаете ее как миссис Хоксли.

– Что, ты в детстве разыграл мою учительницу? – спрашиваю отца.
Неудивительно, что та всегда подозрительно косится на меня.

Папа качает головой. Я вижу в нем благородство и достоинство: седина на висках, уверенность, большие карие глаза. Если отец захочет, то может весь мир заставить заткнуться одним своим видом – стоицизмом и строгими рубашками, застегнутыми на все пуговицы. Но сейчас он энергичен и весел, наслаждается жизнью.

– Я точно должен услышать эту историю! – восклицает Джексон.

Папа смотрит на часы:

– Разве вам не пора собираться в школу?

– Все было настолько плохо, па? – интересуюсь я, зачерпывая вилкой чернику со взбитыми сливками.

– Почему ты одета как мальчик? – раздается за спиной девичий голос.

Вилка со звоном выпадает из рук, черника летит в лицо Джексону, а я резко поворачиваюсь на стуле.

В полуметре от меня стоит девочка лет десяти в старомодном розовом платье. Ее каштановые волосы заплетены в две косички, перевязанные лентами. Она хихикает, щуря темные глаза и морща маленький носик, увидев, что одна улетевшая черника прилипает к щеке Джексона. Кроме нее, никто не смеется.

Джексон вытирает лицо и устремляет яростный взгляд на меня, не обращая на девочку ни малейшего внимания. По спине пробегает холодок – он ее не видит. Я зажмуриваюсь, переводя дыхание пару секунд, и вновь поворачиваюсь к столу. Папа, Джексон и миссис Мэривер с тревогой смотрят на меня.

– Все в порядке? – спрашивает миссис Мэривер.

Руки трясутся так, что я прячу их под столом.

– М-м... да.

– Уверена, Сэм? Выглядишь испуганной, – замечает папа, его хорошее настроение испарилось.

Кидаю беглый взгляд за спину – девочки там больше нет – и расслабляю плечи.

– Мне что-то послышалось.

– Что именно? – хмурится отец.

О том, что случилось, когда он был в коме, мы говорили лишь раз. Разумеется, я рассказала только отдельные фрагменты. Как Вивиан продала нашу квартиру в Нью-Йорке и лгала о медицинской страховке, а когда ложь раскрылась, манипулировала мной, угрожая навредить друзьям. Как она пыталась убить нас с помощью колдовства, когда поняла, что я не стану подчиняться. И как собственная магия обернулась против нее. Отец слушал, почти не перебивая, нахмурившись. Когда я закончила, его глаза были полны слез. Он сказал, что мне лучше пойти поспать и поцеловал меня в лоб. Отец так и не узнал, сколько жертв на совести Вивиан, и я не рассказала ему о своих магических способностях. От слова «заклинание» он дергался и нервничал, выглядел таким бесконечно виноватым, что мне было тошно рассказывать даже урезанную версию.

С тех пор папа больше не поднимал эту тему. И я благодарна за это, потому что невыносимо вспоминать, как я врала ему в лицо. Впервые в жизни.

– Какой-то шум, – говорю, опуская взгляд в тарелку.

Вот, еще одна ложь.

– Уж не призрак ли случайно объявился поблизости? – как бы между прочим интересуется миссис Мэриверзер.

Папа хмурится, услышав слово «призрак». Джексон и его мама знают, что я видела Элайджу, но папа об этой «маленькой» детали ничего не знает. Как бы я начала разговор об этом? «Ой, пап, я влюбилась в мертвого парня из семнадцатого века, упрямого и прекрасного. Но он исчез, а мне теперь чертовски дерьмово, потому что я пытаюсь забыть его».

– Э-э-э, наверное, просто показалось, – отвечаю я.

Миссис Мэриверзер поворачивается к папе.

– Поверь мне, Чарли, Саманте стоит научиться это контролировать, практиковаться. Иначе это будет не жизнь, а проходной двор, куда забредают все, кому не лень. А что будет, когда она выучится водить машину, сядет за руль, а призрак внезапно появится на сиденье рядом?

Я сижу прямо, каждая мышца тела напряжена: я готова избежать этого разговора любой ценой. Неужели миссис Мэриверзер рассказала отцу об Элайдже? Или до него дошли какие-то слухи? Какая же я идиотка, раз думала, будто все последствия рассосутся сами собой!

Папа смотрит на меня так пристально, что мы все молчим, ожидая его дальнейшей реакции.

– Сэм, ты сейчас кого-то увидела?

– Нет, – говорю я, изо всех сил стараясь, чтобы голос оставался спокойным.

Папа вернулся домой, ребята в школе перестали ненавидеть меня. Теперь, когда Вивиан исчезла, неудачи остались в прошлом. Вивиан. В животе появляется нехорошая тяжесть. Я хочу лишь одного: чтобы у нас все было нормально, без странностей. Впервые за долгое время я по-настоящему счастлива.

– Тогда почему Мэй переживает из-за призраков, которые могут внезапно появиться? – Отец смотрит то на меня, то на миссис Мэриверз.

Отодвигаю тарелку, избегая сочувственных взглядов Мэриверзов. Слова застревают в горле.

– Осенью, во время того происшествия... я постоянно видела одного духа. – Чувствую, как краснеют щеки. – Но с тех пор ни один больше не появлялся.

Нет, я не вижу призраков. И не хочу. Только Элайджа был особенным. Он просто... совсем другой.

Отец щурится, уголки его глаз обрамляют морщинки.

– Обязательно скажи, если что-то подобное снова случится, – просит миссис Мэриверз. – Когда ты увидела призрака в прошлый раз, слишком много ужасного произошло потом.

Мы встречаемся взглядами. Она намекает, что появление духа – дурной знак?

– Больше не надо... никаких разговоров об «обучении», Мэй. С Сэм все в порядке. – Папа говорит так резко, что миссис Мэриверз удивленно приподнимает бровь.

– Пойду переоденусь, – произносит Джексон, отодвигая стул. В его голосе слышна та же неловкость, которая сковывает меня.

– Мне тоже пора, – бурчу себе под нос.

Отец откидывается на спинку стула.

– О-о-о, вот она, скрипучая Сэм, которую я знаю и люблю.

Замираю, млея от папиного юмора. Он с самого детства меня так подкалывает.

– Не начинай. Кто поверит, что я дерганая и ворчливая, если стану хихикать по утрам?

Папа улыбается в ответ, и я чувствую, что он рад сменить тему. Отодвигаю стул, вставая, хотя единственное, что сейчас хочется куда-нибудь «задвинуть», – замечание миссис Мэриуэзер о том, что я видела призрака.

Глава 2

После повешения

Захожу в класс последней и занимаю свою парту аккуратно перед звонком. Сюзанна, Мэри и Элис сидят в ряд, как всегда, одетые в свои шикарные готические платья. Я тоже в черном, но рваном и повседневном, в отличие от их безупречных нарядов. Наследниц окружает мощная и таинственная аура, из-за которой непреодолимо хочется снова и снова глазеть в их сторону. Возможно, виной всему тот факт, что девочки – потомки салемских ведьм, а моим предком был Коттон Мэзер, занудный пуританский священник, который когда-то вздернул их на дереве.

Сюзанна одаривает меня сияющей улыбкой и накрывает мои пальцы своими – тонкими, с длинными черными ногтями. Когда она убирает руку, под моей ладонью спрятана сложенная записка. Понятия не имею, у кого эта девчонка научилась таким трюкам, но искренне ей завидую.

Миссис Хоксли нарочито кашляет.

– Тишина, у меня объявление! – Учительница делает паузу, ожидая, пока все успокоится. – Сегодня четвертое апреля, так что до Весеннего бала осталось две недели. Студенческий совет подсчитал все голоса и готов объявить тему этого года. – Она смотрит на расфуфыренных девушек, сидящих на задних партах. – Блэр, не соблаговолишь выйти к доске?

По кабинету пробегает взволнованный шепот. Я даже не подозревала, что можно так яростно сражаться из-за темы школьных танцев. Последние две

недели поклонники «Маскарада Борджиа» и «Зачарованного леса» чуть не бросались друг на друга с кулаками в коридорах. Хотя, о чем я говорю? В Салеме костюмированные вечеринки важнее, чем Рождество на Северном полюсе. Искренне надеюсь, что победил не «Зачарованный лес». После случившегося в черном доме я привлекла слишком много внимания и боюсь, что бал на лесную тему снова подогреет интерес ко мне.

Наследницы не рассказали полиции ничего важного о том вечере, сославшись на шок и замешательство, что не помешало слухам о таинственной женщине, которая пыталась нас убить, разлететься по городу со скоростью света. Кажется, в Салеме только слухи и бессмертны. Полицейские до сих пор ищут «женщину-ворона», но мало кто знает, что ею была моя мачеха. И что она мертва.

Взгляды всего класса обращены на Блэр, неторопливо шествующую к доске. Следом тянется аромат ванили и лака для волос, а одета она так, словно сошла со страниц каталога Ральфа Лорена[1 - Ральф Лорен – американский модельер, дизайнер и предприниматель. Основатель компании Polo Ralph Lauren, производителя одежды, аксессуаров, парфюмерии, мебели и других товаров для дома.].

– Я рада поделиться с вами этой потрясающей новостью. – Блэр откидывает за спину несколько выбившихся волнистых прядей и обводит взглядом класс. – Несмотря на то, что в этом году предложили много хороших тем, одна идея оказалась лучшей и почти единогласно победила во время голосования.

– И она была твоя, да? – замечает Элис. – Лучшая идея-то.

Блэр растягивает губы в улыбке и уклончиво отвечает:

– Элис, нам запрещено раскрывать личность человека, предложившего тему. Но-о-о... скажу, что лично я не поддерживала ее.

– Ага, – хмыкает Элис. – Как им повезло, что ты такая несговорчивая.

Я начинаю покашливать, чтобы скрыть рвущийся наружу смех. Миссис Хоксли смеряет Элис предупреждающим взглядом. Теперь, когда мы с Наследницами перестали враждовать, я могу по достоинству оценить ее едкие шуточки. От пренебрежительных замечаний Элис никому не скрыться.

– В итоге я рада сообщить, что в этом году темой бала выбран... – Блэр делает драматическую паузу. – «Титаник»!

Кабинет взрывается возмущениями и криками. Я прям откидываюсь назад на своем стуле. Фух.

– Это что, прикол? – восклицает Мэри. – «Титаника» даже в списках не было!

– Демократия погибла под гнетом Блэр и ее цыпочек, – поясняет Элис. – Теперь их диктатура – наше мрачное будущее.

– Хватит, – шикает на класс миссис Хоксли. – Что за чушь вы там несете?

Блэр никак не реагирует. Наоборот, выражение ее лица становится самодовольней.

– Это еще не все новости. Так как руководитель танцевального комитета является главой исторической кафедры нашей школы, остальные учителя согласились поддержать нас и скорректировать учебный план, уделив две ближайшие недели изучению темы бала. К тому же платья тех времен просто потрясающие.

Блэр испускает восторженный писк и устремляется к своей парте, но многозначительно замирает, останавливаясь перед Мэттом, новым учеником по обмену из Англии. Подавшись в проход, он роется в своем рюкзаке, преграждая ей путь.

– Эй... алё! – протягивает Блэр.

Мэтт даже не думает отодвигаться.

– Ты же видишь, что спокойно можешь протиснуться мимо меня? Или кому ты там «алё» говоришь? – замечает Мэтт с британским акцентом, растягивая гласные.

Блэр чуть не скрипит зубами:

– Не слишком ли много себе позволяешь? Мэтт, ты меня даже не слушаешь!

Он достает из рюкзака ручку и поднимает взгляд на Блэр:

– Извини, ты что-то сказала?

– Ой... Проехали.

Она протискивается к своей парте. Мэтт довольно ухмыляется.

Я тоже не могу сдержать улыбку. Признаюсь, последние месяцы с удовольствием слежу за страстями, разыгрывающимися между Мэттом, Ники и Блэр. Не только из-за слухов о том, что Ники заказала себе парня на каком-то сайте, которые отвлекли всеобщее внимание от меня. Мэтт живет в доме Блэр, так что эта чокнутая троица устраивает сцены, достойные «Ривердэйла», прямо в коридорах школы. Невероятное зрелище!

Мэтт поднимает голову и перехватывает направленный на него взгляд, я мгновенно отворачиваюсь.

– Так, тишина в классе! Тема бала «Титаник» – и точка. Успокаиваемся и приступаем к работе, – заявляет миссис Хоксли.

Я разворачиваю под партой записку, которая оказывается вовсе не от Сюзанны.

Встречаемся на стадионе у трибун после уроков. Нужно поговорить. Не вздумай отказываться.

Элис.

Я понимала, что когда-нибудь нам придется поговорить, просто не ожидала, что именно сегодня. Мы с Наследницами не собирались вместе с той памятной ночи. Несколько недель я соблюдала постельный режим, восстанавливалась после случившегося. Потом я все время посвятила отцу. Честно говоря, я не готова говорить о том, что случилось в лесу. Надеюсь, что больше никогда не придется это обсуждать. О Вивиан даже вспоминать больно, душа до сих пор не на месте.

Смотрю на Элис, ее густо подведенные голубые глаза испытующе встречают мой взгляд. Порой кажется, что они сделаны из льда. Наклоняюсь к Наследнице... и тут между нами появляется утренняя девчонка. Я едва не утыкаюсь лицом в ее платице.

– Что за?..

Я вздрагиваю, отшатнувшись назад так резко, что едва не слетаю со стула, поэтому хватаюсь за столешницу, чтобы не грохнуться на пол. Девочка исчезает. Пытаюсь сесть ровно, все в классе, включая миссис Хоксли, смотрят на меня. Это ничего не значит. Пустяк. Пшик. Случайность.

– Паук, – поясняю я, миссис Хоксли хмурится. Я добавляю: – Большой и мохнатый.

Мэри подозрительно осматривает пол:

– Я тоже не любитель пауков.

Остальные поднимают ноги и проверяют сумки. Все, кроме Сюзанны, которая пристально смотрит на меня. Я отвожу взгляд. Раздается звонок.

– Сегодня не могу, – говорю Наследницам.

– Не можешь или не хочешь? – хмурится Сюзанна и надевает жакет в викторианском стиле поверх длинного черного платья.

– Сразу после школы нужно домой.

– Так давай мы проводим тебя до дома, – заявляет Элис, откидывая светлые пряди с лица так, словно те намеренно над ней издеваются.

Поджимаю губы и вздыхаю:

– Хорошо, давайте. Десять минут, больше никак...

– Ты злишься на нас? – спрашивает Мэри, вставая.

– Нет. Конечно, нет. – Я тоже поднимаюсь. – Я просто... ну... не хочу говорить о том, что тогда произошло.

– Что ж, отлично, я тоже, – соглашается Элис. – Эти две просто не затыкаются, а меня уже достало.

– А что теперь делать, если меня мучают кошмары? – возмущается Мэри, скрещивая руки на груди.

Ее темные кудряшки слегка подпрыгнули в такт движению.

– О-о... Тогда зачем нам встречаться?

Может, они действительно хотят поговорить о чем-то другом?

– Нужно. Просто... поверь, – просит Сюзанна.

Она бросает взгляд на учеников, копошащихся в классе. Те хватают сумки и устремляются к дверям.

– Спорим, историки подтасовали голосование, чтобы темой бала стал «Титаник»? – спрашивает Мэри у Элис, когда все вышли.

Поднимаю свою черную сумку с пола, собираясь спрятать в нее тетрадь. В ярком свете ламп внутри поблескивает что-то серебристое. На самом дне сумки лежит странный металлический прутик с загнутым концом, похожий на вязальный крючок. Откуда он здесь? Оглядываюсь. Все спокойно, ничего подозрительного.

Может, это крючок миссис Мэриверзер? Возможно, утром я случайно кинула его в сумку вместе с учебниками?

Застегиваю замок и иду в коридор. До сих пор не верится, что больше никто не шарахается при виде меня. Заговорить со мной пока что никто не пытается, но в любом случае прогресс налицо.

Плеча касается чья-то рука, и я подскакиваю от неожиданности. Джексон смеется, цепляясь мозолистым пальцем за лямку рюкзака. В этом весь он: растрепанные волосы песочного цвета, уверенность в каждом жесте и лукавые искорки в глазах.

– Обо мне мечтаешь?

– Ага, жди, – смеюсь я в ответ.

Джексон распахивает передо мной дверь кабинета истории.

– А я и жду.

Секунду смотрю на него. Это шутка такая или флирт? За последние полгода мы с Джексоном стали друзьями. Пожалуй, лучшими друзьями. Он не лез ко мне с вопросами, дал время оправиться после произошедшего в лесу и исчезновения Элайджи. Даже проглотил ложь о том, что Вивиан якобы охотилась за деньгами отца, потому и сбежала, узнав, что он вышел из комы.

Мы привычно занимаем последние соседние парты.

– Знаешь, я сейчас подумала, что очень рада, что перестала быть «проклятой». Для всех я теперь – просто чудачка, которая видит призраков.

– Это Салем. Считай, ты мгновенно поднялась по социальной лестнице. Я почти уверен, что местные ясновидящие и экстрасенсы стоят всего на пару ступеней ниже мэра.

Я улыбаюсь:

– Неужели? О-о-о, тогда дай мне парочку лет, и увидишь, кто будет тут править.

– Да что ты говоришь? Уже составляю вишлист. Вручу, когда займешь кресло мэра. – Он делает паузу. – Кстати, о чудачествах. Что это за глюк был сегодня утром?

Безразлично пожимаю плечами, пытаюсь убедить скорее себя, а не Джексона:

– Будет ок, если мы не станем это обсуждать? На меня только недавно перестали кидать подозрительные взгляды.

Джексон медлит, словно собирается сказать что-то, но в итоге лишь качает головой и улыбается:

– Ок. Пока ты не летаешь по школе на метле, я в порядке.

Мистер Уордуэлл кладет передо мной какие-то распечатки. Как всегда, на нем твидовый пиджак.

– Еще несколько дополнительных заданий, Саманта. Я проверю их, и мы решим, что делать с двумя пропущенными экзаменами.

Киваю. Слышен звонок. Мистер Уордуэлл подходит к своему столу и поворачивается к классу.

– Что может быть лучше понедельника? Выходные прошли, и впереди целая неделя увлекательных занятий историей.

В ответ слышатся несколько стонов. Я бросаю взгляд на пустующую парту Лиззи и вздыхаю. Как ни крути, а в том, что она уехала, частично виновата я. Лиззи – четвертая Наследница, и она переживала случившееся тяжелее, чем все мы. Она уехала из Салема вскоре после попытки Вивиан повесить нас и сейчас, как я слышала, учится в пансионе на севере Нью-Йорка.

– Полагаю, утром вам уже сообщили: мы скорректировали учебный план по истории, чтобы уделить время изучению истории «Титаника». Как глава исторической кафедры я также работаю с танцевальным комитетом и надеюсь,

что ближайшие две недели будут захватывающими и веселыми. Вас ждет настоящее удовольствие. Дамы и господа, это невероятное и завораживающее историческое событие. Ужасающая трагедия, в которой погибло почти полторы тысячи женщин, мужчин и детей.

Он рассказывает о смерти сотен людей так, словно только что выиграл в лото:

– Когда в апреле 1912 года «Титаник» покинул берега Англии, выходя в свой первый рейс, он считался самым большим и шикарным кораблем в мире. Почти триста метров в длину, этот корабль называли плавучим городом огней. Бассейн с подогревом, перламутровая мозаика на стенах – на «Титанике» пассажирам была доступна любая роскошь, о какой только можно мечтать... за исключением спасательных шлюпок, которые могли бы спасти их.

Глава 3

Нам всем снятся кошмары

Я закрываю шкафчик и проверяю сообщения – пришло эсэмэс от Джексона. Джексон: «С Диллоном. Скоро будем».

Я: «Знаешь, мне еще нужно решить кое-какие дела. Не жди, езжай домой один».

Засовываю телефон в карман и направляюсь к стадиону. Толкнув заднюю дверь, едва не врезаюсь в Ники.

– Привет, Сэм.

Она поправляет сумочку цвета морской волны, висящую на обтянутом кашемиром плече. Я резко останавливаюсь. Ники со мной не разговаривает!

– Извини, я чуть не пришибла тебя дверью, – говорю я.

Ники отмахивается:

– Вообще, я хотела у тебя спросить... Не знаешь, Джексон с кем-нибудь встречается?

– Что, прости? – Хлопаю глазами.

– Ты же вечно рядом с ним, – заявляет Ники так, словно я какая-то зараза. – Подумала, вдруг ты знаешь.

Вообще не понимаю, что ей ответить. Ники хочет подкатить к моему лучшему другу и таким образом пытается намекнуть, чтобы я реже тусовалась с ним? Или что? Пробую сменить тему:

– А что у вас с Мэттом?

– Все кончено. – Ники крутит на запястье золотой браслет. – Так что, если бы ты могла...

– Отвали, Ники, – раздается у меня из-за спины голос Элис. – Сэм ради тебя и пальцем не шевельнет.

Ники злобно щурится. Элис хватает меня за руку и утаскивает на стадион. Прохладный ветерок доносит до нас запах свежескошенной травы, предвещающий весну.

– Так вы с Ники общаетесь? – спрашиваю я у Элис.

Она пожимает плечами:

– Ага, столько времени проводим вместе, что даже стали похожи, видишь?

Я не могу удержаться от смеха. За трибунами нас ждут Сюзанна и Мэри, их хрупкие готические силуэты чернеют на фоне деревьев. Нежное лицо Сюзанны озаряется улыбкой.

– Ну, зачем мы собрались? – спрашиваю, подходя ближе.

Слова звучат неуклюже. Каждый раз, когда мы пытаемся поговорить, диалог получается шизовым: кто-нибудь начинает говорить, потом вдруг понимает, что сказать вообще нечего, и беседа сходит на нет.

Пару секунд мы молчим, даже ветер затихает. Тишину нарушает Мэри:

– Нужно, чтобы ты пообщалась с духами.

Я хмурюсь.

– Мэри! – одергивает ее Сюзанна, а Элис награждает колючим взглядом. – Сэм, она просто торопит события. Мы не собираемся звать тебя к нам, чтобы проверить, не завелись ли привидения на чердаке. Просто вчера Элис кинула кости. Впервые после того, как Ви...

Вскидываю руку, не позволяя ей договорить:

– Нет. Вы обещали. Сказать честно? Я хочу навсегда забыть обо всем, что связано с магией.

– Да, это жесть, но иначе никак, – вздохнула Элис. – Кости упомянули о тебе. Хочешь или нет, ты – часть их сообщения. Хватит прятаться, пришло твое время!

Она намекает, что я недостаточно быстро оправилась после того, как моя мачеха пыталась меня повесить?

– Знать ничего не хочу! Предпочитаю прожить жизнь подальше от таких вот ситуаций и историй, спасибо, – говорю я, отступая на пару шагов.

– То есть ты не станешь нас слушать, даже если случится что-то ужасное, а без твоей помощи мы не сможем это предотвратить? – интересуется Элис.

Долю секунды я стою, мучаясь сомнениями, а потом качаю головой.

– Саманта, подожди, – просит Сюзанна. – Мы понимаем, что после случившегося тебе непросто. Мы все долго приходили в себя после того, что сделала твоя мачеха. Мы все это время были с тобой, помнишь? И тоже чуть не погибли.

Вот она. Правда.

– Ты же говорила, что мы не будем говорить о В... – Имя застревает в горле.

Мэри дергает себя за кудряшки:

– Девочки, она не готова.

– Правда, что ли, Мэри? – Элис говорит так, словно не может поверить в то, что Мэри вообще умеет говорить.

Сюзанна в два грациозных шага преодолевает разделяющее нас расстояние, пряча меня от Мэри и Элис. От такой утонченной девушки невозможно просто отмахнуться, не мучаясь потом от чувства вины. Сюзанна смотрит, словно искренне желает, чтобы я сумела ее понять.

– Каждое утро я просыпаюсь, смотрю в зеркало и вижу призрачный красный след от веревки на шее. Мы все не можем забыть о том, что произошло. Нам всем снятся кошмары. – Голос ее спокоен. – Хорошо, давай не будем говорить о той ночи. Но нам нужно поговорить с тобой, это важно. Однажды ты доверилась мне, пожалуйста, доверься снова.

Я хочу уйти, но не могу отвести взгляд от Сюзанны и шумно выдыхаю. Надеюсь, мне не придется потом жалеть об этом.

– Хорошо, Элис. Я слушаю.

Элис указывает в сторону небольшой рощицы:

– После вас.

Мы проходим в заросли, прячась за деревьями от любопытных глаз. Мэри достает из сумки черный шерстяной плед и расстилает его на земле. Неохотно присаживаюсь рядом с Наследницами. Кажется, это тот же самый плед, на котором мы проводили ритуал прозрения.

– Что бы ты ни думала, Сэм, прямо сейчас ни одна из нас не готова иметь дело с потусторонним миром, – замечает Элис, стягивая волосы в хвост. – Лично я с удовольствием весь остаток года думала бы только о наряде на Весенний бал. И если б разные придурки из школы не распространяли лживые сплетни о той ночи, так бы и было, поверь. – Она вертит в пальцах сухой лист. – Мы с тех пор даже не колдовали. Вчера я решила погадать на костях только ради того, чтобы убедить Мэри: угроза миновала. Ты не представляешь, как она может достать, постоянно задавая один и тот же вопрос.

Мэри с театральным вздохом опускает голову на плечо Элис:

– Без меня ты бы пропала, и сама прекрасно это знаешь.

– Ну, конечно, – возмущается Элис, сталкивая Мэри с плеча. – В любом случае, о том, что произошло тогда в лесу, кости ничего нового не открыли, зато...

– Показали что-то странное, – выпаливает Мэри, не обращая внимания, что две Наследницы уставились на нее. – Что? Мы не можем точно сказать, но это плохой знак.

– Кости сказали, что ты должна стать частью нашего круга, – говорит Элис. – И пожалуйста, поверь, мы не пытаемся использовать тебя или втянуть во что-то. Я уже вижу, что ты думаешь, как бы сбежать от нас.

У меня перед глазами – пустая парта Лиззи. От магии не жди ничего, кроме беды.

– Кости предсказали, что скоро кто-то появится. – Сюзанна находит взглядом мои глаза, ожидая реакции. – Кроме того, мы получили предупреждение: если не начнем работать сообща, то станем подобны потерявшимся в пустыне странникам. «Тьма покроет вас, а путь обернется каменным сном...»

Элис отшвыривает листок:

– И все, точка! Сколько раз я ни кидала кости, выпадает одна и та же загадка.

– Умоляю, скажите, что это означает: много путешествий и никаких смертей. – Я сжимаю пальцами лоб. – «Путь обернется каменным сном»... Звучит адски противно.

Сюзанна поджимает губы:

– Мы не знаем. Как Элис уже сказала, мы не трогали кости с осени. И неизвестно, что за это время могли пропустить. – Она делает паузу. – Ты замечала что-нибудь странное в последние дни? Хоть что-нибудь?

– Например? – Я встречаюсь с ней взглядом.

– Ну, духов, – отвечает Сюзанна, а я отвожу глаза.

Черт бы побрал этот ее дар «считывать» людей!

Встаю. Нет, я не могу. Просто не могу. Я лишь недавно снова начала спокойно спать.

– Простите, но меня не будет в вашем круге. Сходить вместе в кино или погулять – без проблем! Но, если дело касается магии... просто «нет».

И ухожу, не дожидаясь ответа от них.

Глава 4

Что случилось той ночью

Запинаюсь, выходя на дорожку, ведущую к нашему дому. Браво! – Саманта! – восклицает миссис Мэриверзер, загружая башню изумительно упакованных коробок с выпечкой в свой пикап. – Как дела в школе? Надеюсь, больше не слышала странных звуков?

– Не-а.

Она внимательно вглядывается в мое лицо, словно хочет сказать что-то, но в итоге молчит. Я замираю, шагнув к двери.

– Интересно, а папа когда-нибудь расспрашивал вас о той самой ночи?

Миссис Мэриверзер наклоняет голову к плечу, размышляя:

– Твой отец всегда был молчалив и упрям, даже в детстве. Как-то летом он свалился с дерева и сломал палец. Даже когда тот раздулся, как сосиска, Чарли не желал признавать, что палец болит. Более того, снова залез и спрыгнул с дерева, просто чтобы доказать, что никогда не чувствовал себя лучше. – Она многозначительно приподнимает бровь. – Мне пора везти в пекарню новые рецепты, которые я на днях опробовала. Захочешь поболтать, заскакивай в любое время.

– Да, конечно, – вру я в ответ, распахивая боковую дверь.

В доме ни звука.

– Пап?

– В бальном зале! – раздается его голос справа от лестницы.

Прикрываю дверь и торопливо иду на голос. С каких пор комнату с фортепиано и неудобной даже на вид древней мебелью мы зовем «бальным залом»? Заходя, я мгновенно расслабляюсь при виде отца, живого и здорового. Честно говоря, с тех пор как Элайджа исчез, я сюда ни разу не заходила. На портрет Эбигейл, висящий в другом конце комнаты, стараюсь не смотреть. Глядя на него, единственное, что я вижу, – его глаза. Глаза, по которым я скучаю.

Стоп, больше никакой магии. И никакого Элайджи.

Папа стоит у обитого шелком дивана и рассматривает потолок.

– Что делаешь?

– Просто осматриваюсь, – с улыбкой говорит он. – Знаешь, когда твоя бабушка была жива, в этом зале никогда не бывало тихо. – Папа указывает на старый граммофон. – Здесь звучала музыка, а элегантные леди играли в бридж, попивая чай.

Улыбаюсь в ответ.

– Судя по твоим рассказам, у бабушки было мало друзей.

– В старости-то да. Но когда я был маленьким, а отец еще жив... – Он умолкает, не закончив. – Мне всегда казалось, что дом слишком большой для нас троих, но мама каким-то чудесным образом умела его заполнить. Она бы расстроилась, если б увидела, что сейчас этот зал пустует.

Отец садится на диван у камина. Последний раз он вспоминал о бабушке, когда мы обсуждали случившееся той ночью в лесу. Значит, сейчас он собрался говорить об этом? Папа похлопывает по подушке рядом с собой, и я присаживаюсь, выбирая место, с которого не буду видеть портрет.

Отец смотрит на меня:

– Как насчет того, чтобы нам вернуться в Нью-Йорк?

Что?!

– Уехать из Салема? Это из-за кошмаров? Да, мне тяжело пришлось... после случившегося. Но сейчас все намного лучше, клянусь. Я уже спокойно сплю, и...

Слова срываются с языка быстрее, чем я успеваю их осмыслить. Отец задумчиво морщит лоб.

– Я не говорю, что мы должны переехать. Просто предлагаю. Хочу убедиться, что ты всем довольна и счастлива. Знаю, у тебя здесь друзья.

– По крайней мере, один.

Папа улыбается:

– Судя по словам Джексона, тобой вся школа восхищается.

– Не верь ему. Джексон – неизлечимый оптимист. Они наконец-то перестали разбегаться, чуть завидев меня, – говорю я, поднимая взгляд на отца. – Но, пап, правда, мне тут нравится.

– Просто хочу убедиться, что мы сделали правильный выбор. Если тебе неприятно здесь, можем уехать.

– Забавно, но здесь я чувствую себя самой собой. Впервые за долгое время. А один друг – лучше, чем ни одного.

Он кивает:

– Ты же знаешь, я могу работать как из Салема, так и из Нью-Йорка. Никаких поездок в ближайшее время не планируется.

Папа кладет руку мне на плечи, и я прижимаюсь к нему, вдыхая знакомый мускусный аромат его лосьона после бритья. Он посмеивается.

– Что?

– Просто вспомнил, как сильно твоя мама ненавидела бабушкины вечеринки.

– Она ходила на них?

– Ее заставляла мать. А моя мама придерживалась особого дресс-кода для вечеринок, насколько можешь судить по обстановке дома. Обе родительницы заставляли твою маму соответствовать. Я частенько наблюдал, как она топталась среди обедающих дам и целенаправленно выдергивала из косы волнистые пряди. К концу вечеринки ее волосы были растрепаны, а на колготках появлялось не менее четырех дыр. Как-то раз, чтобы сбежать домой, она даже пролила на себя чашку чая, но у моей мамы мгновенно нашлось запасное платье подходящего размера.

Как же странно... я столько всего не знаю о маме.

– Вы тогда уже встречались?

– Н-е-е-ет, – снова смеется он. – Чтобы уговорить ее сходить на свидание, мне потребовалась вся юность. И еще год ушел на то, чтобы она перестала называть меня «Чудик Чарли».

– Мы уже целую вечность не говорили о маме.

Отец отводит взгляд в сторону камина:

– Эта комната способна пробуждать давно забытые воспоминания.

– Ты поэтому не хотел возвращаться? Из-за мамы? – Я запинаюсь. – Получается, всегда, когда я умоляла тебя поехать со мной в Салем...

– Поначалу да, – кивает он, – но потом отказывал тебе из-за бабушки, которая возомнила, будто в смерти твоей мамы виновато проклятие. Она никак не могла успокоиться. Разговоры на эту тему мне были неприятны. Мы начали ругаться, отдаляться друг от друга. Я не хотел, чтобы она прожужжала тебе уши своим бредом, пытался защитить. – Отец заметно нервничает. – А в итоге сам подверг тебя опасности, женившись на...

Папа замолкает, не смея произносить ее имя. Я поднимаю на него взгляд:

– Пап, не надо. Пожалуйста, не вини себя.

Вот поэтому я молчу. Как я могу рассказать ему обо всем, что натворила Вивиан? Хватит того, что отцу известна часть правды: мачеха пыталась меня повесить, а его ввела в магическую кому. Не представляю, что папа сделает, если выяснит, что сам шагнул в объятия женщины, которая убила маму и бабушку.

– Не переживай за меня. – Папа треплет меня по голове. – Тебе своих тревог хватает. – Он встает. – Есть хочешь? Мэй принесла коробку новых пирожных, маленьких горшочков из шоколада с муссом и меренгами.

Тоже поднимаюсь:

– М-м-м, я просто обязана это попробовать.

– Согласен.

Мы выходим в коридор, под ногами поскрипывают старые половицы. С портретов на стенах за нами наблюдают многочисленные лица предков. Жаль, бабушки больше нет, она могла бы поведать их истории. Я иногда нахожу исписанные ее почерком открытки о предметах мебели, распиханные по шкафам вместе со старыми дневниками, но это совсем другое.

Я осматриваю каждый портрет, мимо которого мы проходим. Кто-то из изображенных красив, кто-то – чересчур серьезен... Секундочку. Я резко останавливаюсь. Быть того не может!

– Пап...

– Да, милая? – Он тоже замирает.

– Эта картина, – указываю я на женщину в мантии. По телу пробегает холодок, волоски на руках встают дыбом. – Раньше рядом с ней стоял мужчина.

Папа хмурится:

– Не понял.

На портрете был мужчина, я уверена. Женщина стояла, а он сидел. А теперь она все так же стоит, а мужчина – исчез.

– Разве ты не помнишь, что там был мужчина?

Я повышаю голос, отец хмурится сильнее.

– Картина новая. Вернее, не новая, конечно, она здесь не висела, когда я жил в доме. Должно быть, мама зачем-то решила достать ее с чердака.

– А... – отвечаю, перекидывая волосы за спину. – Знаешь, я, наверное, ошиблась. Тут так много картин, а в этот коридор я, кажется, давно уже не заходила. Вот и запуталась. – Больше всего на свете мне хочется, чтобы с лица отца исчезло это взволнованное выражение. – А женщина роскошная, кем бы она ни была.

Папа кивает:

– Судя по одежде, она жила примерно в начале двадцатого века.

Я внимательно рассматриваю ее грандиозную шляпу и гордое выражение лица.

– Ты знаешь, кто это?

– Могу предположить, что это кто-то из дальних родственников. Кажется, припоминаю... мама рассказывала, они из Нью-Йорка. Кажется, кто-то из них пережил крушение «Титаника». Но больше мне о них ничего не известно.

«Титаник»?

– Хм, как интересно.

Глава 5

Это были предупреждения

Шелест океанских волн в ночи меня успокаивает. Я сжимаю пальцами перила и смотрю вниз, на белую пену волн, бьющихся о борт. Ярко освещенные иллюминаторы простираются по всей длине огромного корабля, сверкая на бесконечной поверхности воды подобно рождественским огням.

Я оборачиваюсь, осматривая палубу. Красиво одетая молодая пара стоит у перил и тихонько перешептывается. Трое мужчин в костюмах и цилиндрах, куря сигары и громко разговаривая, идут к двери в большой зал. Дворецкий распахивает ее перед ними. Я устремляюсь следом, но дверь закрывается прямо

у меня перед носом.

Заглянув в окно, я открываю рот от удивления. Стены зала украшены изысканной лепниной, а с потолка свисают красивые люстры. Мужчины и женщины играют в карты и пьют шампанское из хрустальных бокалов. Платья этих леди напоминают мне о даме с портрета, который мы с отцом рассматривали в коридоре.

Я торопливо отступаю от двери. Что-то в этом месте меня настораживает, что-то неуловимое – я хочу вспомнить что, но не могу. Как будто пытаешься воткнуть иголку в каплю ртути. Все расплывается.

Возвращаюсь к парапету. Прямо у меня на пути, на палубе, лежит тот самый портрет из коридора. Рядом с ним – изумрудно-зеленое шелковое платье и серебристая книжница размером с игральную карту. Но всего секунду назад этого здесь не было! Я обхожу вещи и устремляюсь к воде. Ветер неистово треплет волосы. Меня охватывает непреодолимая жажда сбежать отсюда. Я поднимаю ногу, собираясь перелезть через парапет, но к лодыжкам словно привязали огромные гири...

Я распахиваю глаза, потом высоко поднимаю правую ногу, пытаюсь натянуть плотное одеяло. Раздается смех, и я резко сажусь, моргая из-за яркого света, бьющего в окно. В дверях стоит Джексон, одетый в голубые пижамные штаны и ярко-синюю толстовку.

– Извини, но я стучал, прежде чем войти, – смеется он. – Не знал, что ты предпочитаешь спать, задрав вверх руки и ноги.

– Джексон?

Делаю глубокий вздох. Я снова в своей комнате?

– Да, Сэм?

Скидываю одеяло.

– Который сейчас час?

– Уже поздно. Завтрак готов. Предки отправили будить тебя.

– Я у вас или у нас?

– У вас. – Он с сомнением протягивает: – Э, с тобой все в порядке? Выглядишь слегка... даже не знаю... ты расстроена чем-то?

– Все в порядке. – Я осторожно тру глаза. – Просто дурные сны.

Он кивает:

– Хочешь, побуду с тобой? Расскажу что-нибудь смешное, отвлечешься от плохих снов.

Я смотрю на Джексона, лохматого, с этой манящей улыбкой, и качаю головой:

– Не нужно, но спасибо. Еще минуту поваляюсь.

Джексон задерживается на секунду и все же выходит из комнаты. Соскальзываю с кровати и засовываю ноги в черные пушистые тапочки. На туалетном столике, там же, где я его оставила вечером, лежит домашнее задание по «Титанику». Я замираю. Роскошный корабль, гости в старомодной одежде. Хватаю с тумбочки телефон и вбиваю в поисковике: «палуба „Титаника“».

На первой же картинке вижу тот самый зал, который я рассматривала в окно. Но я никогда не видела его раньше! Как мог этот зал появиться во сне, если я не знала, как он выглядит? Пролистываю распечатки с заданием, чтобы проверить. Нет, ни одной фотографии. То, что мне приснился «Титаник», логично, но идеальная копия его палубы... это странно. Если только...

Я швыряю телефон на кровать и отшатываюсь. Если только этот сон не то же самое, что сны о Коттоне и ведьмах. Те сны... Это были предупреждения, которые начались после того, как я впервые увидела Элайджу и все вышло из-под контроля.

Прижимаю ладони к лицу. Вчера я увидела призрак девочки. Неужели миссис Мэриверзер права, и появление духа предвещает беду?

– Нет! Нет! Только не это.

Глава 6

Хочу с этим покончить

Миссис Пауэлл, учительница по литературе, раздает экземпляры книги Арчибальда Грейси «Правда о „Титанике“». Ее волосы заплетены во множество косичек и собраны в элегантный высокий пучок, а простые подтяжки и белая блузка в разы моднее, чем брючные костюмы большинства преподавателей. Миссис Пауэлл – моя любимая учительница. Она терпеть не может глупостей, зато ко всем относится честно. А еще она была одной из тех, кто не отвернулся от меня после смерти Джона и обвинений Лиззи.

– Полковник Арчибальд Грейси освобождал от канатов последнюю складную лодку, когда корма тонущего «Титаника» поднялась вверх, – говорит миссис Пауэлл, проходя по рядам. – Полковника затянула под воду воронка, образовавшаяся от веса тонущего корабля, но ему повезло спастись и выплыть недалеко от той самой лодки. К несчастью, она была опрокинута и окружена людьми. Они провели в воде всю ночь, пока их не подобрала одна из спасательных групп. Температура воды на месте крушения была приблизительно минус два градуса по Цельсию.

Миссис Пауэлл бросает экземпляр книги на парту прямо передо мной. Черно-белое фото огромного корабля на обложке напоминает о сегодняшнем сне. Я мгновенно переворачиваю книгу обложкой вниз. Верхний левый уголок у нее потрепан, я обвожу пальцем потертый участок.

– В этой книге есть свои недостатки. Например, пассажирами третьего класса часто пренебрегают, их национальность практически не указывается, это просто цифры. Помните, что перед вами рассказ очевидца, его точка зрения. Полковник умер в декабре 1912 года из-за осложнений, вызванных переохлаждением. До

публикации книги он не дожил.

Звенит звонок.

– Не забудьте, если будете вести читательские дневники, сможете получить тридцать дополнительных баллов. Некоторым из вас они жизненно необходимы, – замечает миссис Пауэлл, когда все встают.

Я запикиваю книгу в сумку и устремляюсь в коридор. Ни за что не стану читать эту гадость! Все, с этого самого момента избегаю всего, что касается «Титаника», держусь подальше от висящей в коридоре картины и точно не иду на танцы. С меня хватит!

Набираю нужную комбинацию замка и открываю шкафчик. Мимо в компании девчонок проходит Блэр.

– Приве-ет, Сэм, – говорит она, останавливаясь.

– Привет!

Так, сначала Ники со мной начинает говорить, а теперь Блэр?

– Зна-а-аешь, хочу спросить кое-что.

О боже, только не это. Долгое вступление выдает ее с головой.

– Дай угадаю, речь о каком-то родственнике, который умер?

Лицо Блэр озаряет улыбка:

– А она молодец! Да, звучит безумно, но несколько лет назад у нас умерла собака. С тех пор в саду неизвестно откуда появляются странные ямы. Знаешь, словно кто-то или что-то их выкапывает, и моя мама готова поклясться, что...

– Извини, я не могу.

– О, ты даже не дослушала!

Черт бы побрал это школьное собрание, на котором я рассказала, что вижу духов. В любом другом городе посчитали бы, что я просто чокнулась, но в Салеме все решили, что я просто обязана проверить их чердаки и подвалы в поисках призраков умерших дедушек или бездомных кошек.

– Ага. Мне жаль, но нет.

Блэр скрещивает руки на груди, и на секунду воцаряется неловкая тишина.

– Может, полиция узнала что-то новое о женщине, которая напала на вас в лесу?

Я отворачиваюсь и достаю из шкафчика коробку с лан-чем. Боже, когда уже все отстанут от меня с этим?

– Пока ничего.

– Поверить не могу, вас пытались повесить, а эта таинственная женщина просто скрылась. – Блэр наматывает на палец прядь волос. – Это ужасно! Папа говорит, полиция совсем прекратила поиски. Подумаешь, какая-то психованная разгуливает поблизости, – кому какое дело?!

– Ужасно! – словно хор попугайчиков, повторяют ее спутницы.

Как можно говорить о самом ужасном, что со мной когда-либо произошло, так, будто это просто забавный слушок? Хлопаю дверцей шкафчика, отворачиваюсь от девушек и шагаю прочь.

– Ой всё, кто-то не в настроении, – хихикает Блэр мне вслед.

Ускоряю шаг, быстро сворачиваю в ближайший коридор и едва не врезаюсь в мужчину в старомодном костюме и шляпе. Дворецкий из сна! Я кричу и отшатываюсь от него. Мужчина вскидывает голову, и под полями шляпы я вижу... ухмыляющегося Диллона.

– Воу, сорри, Сэм.

Я выдыхаю.

– Чувиха, ты словно призрака увидела. Упс! Ты ж их вправду видишь. Что за чушь я несу? – смеется Диллон над собственной шуткой.

Слегка расслабляюсь и наконец делаю вздох:

– Не, просто не смотрела, куда иду и все. Во что это ты вырядился?

– Примеряю костюм для бала.

Из-под пиджака мелькает клочок его красной формы команды по лакроссу. Я выдавливаю улыбку:

– На тебя не похоже.

– Подружка. – Он ненадолго прерывает наш зрительный контакт. – Она считает, что мой наряд на прошлой вечеринке выглядел дерьмово. О, сорян... «не подходил случаю». – Диллон показывает пальцами кавычки.

– А-а-а... Ну, этот хорош. Прямо как с «Титаника».

Он сияет:

– Правда?

– Диллон! – пищит Блэр с другого конца коридора. – Я в восторге!

Да вы издеваетесь? Диллон встречается с ней? Такое убожество. Странно, что Джексон мне не сказал.

– Пока, – говорю я, но внимание парня уже занято Блэр.

Распахиваю заднюю дверь школы, шагая к излюбленной лавочке, на которой часто обедаю, и на долю секунды поскользываюсь на влажной траве. По

бетонной площадке у лавочки тянется цепочка мокрых следов, оставленная парнем в старинном костюме, похожем на тот, который был на Диллоне. Низко опустив голову, парень сидит на моем любимом месте. Лицо его полностью скрывает шляпа.

– Дай-ка угадаю, ты друг Блэр и Ники?

Ответа нет. Парень даже не поднимает головы.

– Seriously, танцы только через две недели. Можно расслабиться и не усердствовать так с костюмами.

Плюс к тому это мое место. Чувствую себя жуткой собственницей.

Он встает. Шляпа поднимается, все еще пряча глаза, но открывая густую щетину на подбородке. Он старше, внезапно осознаю я. Лет двадцать, может, чуть больше. Я пчусь. В том месте, где он сидел, деревянная скамейка влажная. С него стекает вода. Морская вода. Ветер доносил до меня солоноватый запах. Температура вдруг словно упала градусов на десять.

В нашу сторону идут Ники и Мэтт. Кажется, они о чем-то спорят. Ники проходит прямо сквозь тело промокшего мужчины. Ужас обволакивает меня, обвивает кольцами, словно удав.

Спорщики замечают мое выражение лица, Мэтт выглядит смущенным, а я разворачиваюсь и бросаюсь к школе.

– Сэм! – кричит Ники, но я даже не оглядываюсь.

Я мчусь по коридорам, туда, где сейчас точно должна быть куча народа, и врываюсь через двустворчатые двери в переполненный кафетерий. В уши врывается шум множества голосов. Останавливаюсь, слегка проскальзывая по полу. В дальнем конце зала за круглым столиком у окна сидят Наследницы. Все оборачиваются, наблюдая, как я иду прямо к ним. Блэр замечает, как тяжело я дышу, и начинает что-то шептать своим подружкам. Я словно попала в аквариум: вокруг множество людей, они охают и ахают, стучат по стеклу.

Я швыряю сумку на пол и выдвигаю стул из-под столика Наследниц.

– Хочу, чтобы духи навсегда оставили меня в покое. Как это сделать?

– О, и тебе привет, – отзывается Элис.

– В смысле? Что значит «оставили в покое»? – спрашивает Мэри, панически оглядываясь. Она переходит на шепот: – Они сейчас здесь?

– Нет, но...

Я умолкаю, раздумывая, как бы лучше рассказать. Ой, да плевать, хватит уже приукрашивать реальность!

– Только что во дворе школы я видела мужчину в старинном костюме, с которого стекала соленая вода. Как будто он вышел прямо из океана, но сначала в нем утонул.

Мэри округляет глаза. Сюзанна окидывает взглядом соседние столики.

– Ладно, идем, – говорит Элис.

– О, сейчас я выйду на улицу, только если школа загорится.

Элис встает из-за стола, а следом за ней остальные Наследницы.

– Тебе нужна наша помощь или нет? – интересуется она.

Я не двигаюсь с места.

– Мы не пойдем на улицу, – добавляет Сюзанна. – Честно.

Встаю, отталкивая стул, и мы выходим из кафетерия – черная стайка среди ярких цветов. Все взгляды устремлены на нас. Элис петляет по коридорам и останавливается перед какой-то дверью без таблички.

– Есть! – воскликнула Мэри, распахивая дверь.

Она что, вскрыла замок?

Сюзанна осматривается, проверяя коридор, и выпаливает:

– Заходим.

Мы забиваемся в пыльную комнату и закрываем за собой дверь. Элис щелкает выключателем. Мы в хранилище, полном картотечных шкафов. Мэри достает черный шерстяной плед и расстилает его на полу. Она что, всюду его таскает, ожидая, пока не случится что-то магическое?

– Как вы узнали об этом месте?

Элис пожимает плечами и опускается на плед. Мы присоединяемся к ней.

– Откуда знаете, как сюда попасть?

Мэри открывает рот, собираясь ответить, но Элис кладет руку ей на плечо, заставляя замолчать.

– Почему мы должны рассказывать, если ты не желаешь присоединиться к кругу? – спрашивает она.

– Почему я должна присоединяться к кругу, если вы ничего не рассказываете?

Мы пристально смотрим друг на друга.

– Ну, за последние полгода ты не сильно рвалась общаться с нами, – хмурясь, замечает Элис.

Я медлю. Значит, она хотела со мной общаться? А я-то думала, что безразлична Наследницам.

– Знаю. Просто я... хотелось немного побыть одной.

На мгновение воцаряется тишина. Я удобней устраиваюсь на пледе.

– Так вы поможете мне прекратить этот бардак и вернуться к обычной жизни?

– Ты потомок Коттона Мэзера, живешь в Салеме и обладаешь магической силой. О какой обычной жизни ты говоришь? – ухмыляется Мэри.

– Пф, отлично! – фыркаю я.

– Как ты думаешь, почему мы всегда держимся вдалеке от остальных? – спрашивает Элис.

– Ты? Чтоб круто выглядеть! – восклицает Мэри.

Элис не может сдержать улыбку:

– Нет, мы круты благодаря нашим ярким личностям и неподражаемым индивидуальностям.

Мэри закатывает глаза. Сюзанна говорит спокойно и тихо:

– Когда ты только переехала в Салем, все думали, что мы тебя прокляли, так?

– Ага, как-то так... – Я мысленно возвращаюсь к осени и многочисленным слухам обо мне.

– Мы даже не знаем, как накладывать проклятие, – поясняет Мэри. – Но если бы знали, то не стали бы.

– Так, мы пришли сюда, чтобы услышать историю Сэм, а не рассказывать свои, – бросает Элис.

– О, то есть то, что вы раньше от меня утаивали, оказалось полезным? – ехидничаю я.

– Саманта права, – говорит Сюзанна. – Да, последнее время она с нами не общалась, но мы уже разобрались с этим. Сэм видит утопленников в школе. Как думаете, у нас есть время, чтобы подождать?

– Не-а, – отвечает Мэри.

– Отлично, – сдается Элис и жестом предлагает Сюзанне продолжать.

Та смотрит на меня:

– Мы не колдуем просто ради колдовства. Элис гадает на костях, чтобы мы вовремя предотвращали неприятности. А мое умение читать людей помогает не попасть в ловушки.

Я поворачиваюсь к Мэри, она накручивает кудряшку на палец:

– Наши семьи испокон веков работают с магией в Салеме. Здесь происходит странное, скрытое от чужих глаз, не поддающееся пониманию. Мы играем свою роль, колдуем, чтобы сдерживать эту силу.

Сюзанна кивает:

– С тобой сейчас определенно творится нечто серьезное. Не трать время, не спорь. Судя по предсказанию костей, это может быть опасно. Медлить сейчас – большая ошибка. Возможно, мы уже что-то важное упустили.

Размышляя над ее словами, цепляю пальцем дырку на джинсах.

– В чем дело? – Мэри подсаживается ближе. – Ты не хочешь заниматься магией?

– И это тоже.

Мэри улыбается:

– Тогда что ты имела в виду, прося нас помочь избавиться от духов?

– Я думала... Не знаю, о чем я думала. Просто хочу с этим покончить.

– С помощью магии, – добавляет Мэри.

Черт!

– Видимо да.

– Отлично. – Мэри встает. – А теперь, когда мы со всем разобрались, идемте обедать. Умираю от голода.

Получается, меня только что обдурили? Тоже поднимаюсь на ноги.

– А другого способа нет?

– Нет, – бросает Элис, поворачивая дверную ручку и выглядывая в коридор. – Чисто, – сообщает она, шире открывая дверь.

Однако коридор не пуст. Там стоит маленькая девочка в розовом платье, на лице ее то же лукавое выражение, что и утром, в столовой. С грохотом захлопываю дверь.

– Это что сейчас было? – морщится Элис.

Мэри хватается ее за руку:

– Прошу, только не говори, что там стоит утопленник.

– Нет. Там девочка. В старинном платье, – внезапно севшим голосом отвечаю я.

– Стоп, так призрака два? – Элис переводит взгляд на Сюзанну.

В дверь еле слышно стучат. Я дергаюсь, а вот Наследницы на стук не реагируют. Судя по удивленным выражениям лиц, они ничего не слышали.

– Что будем делать? – спрашивает Сюзанна.

Я нервно меряю шагами пыльную комнатку:

– Приходите сегодня ночью ко мне и помогите прекратить все это.

Глубоко вздыхаю и вновь открываю дверь. Девочка стоит, прислонившись к стене, и крутит в пальцах кончик длинной косы. Наследницы выходят в коридор следом за мной.

– Отстань, – шепчу я девочке.

– Ада, – заявляет она, выпуская из рук косичку. – Меня зовут Ада. – Она хмурится, замечая мое выражение лица. – Ты злишься, потому что я смеялась из-за черники?

У нее британский акцент.

– Нет. Просто хочу, чтобы ты ушла.

Ада остается невозмутимой:

– Мой брат Фредерик такой же вредина. И лицо у него краснеет прямо как у тебя. Однажды он захлопнул передо мной дверь комнаты, а сам зацепился рукавом за щеколду и упал, сильно порвав рубашку. Папа был в ярости, – хихикает Ада.

Наследницы берут меня в кольцо, скрывая от посторонних глаз, чтобы никто не увидел, как их спутница разговаривает с пустотой. Я наклоняюсь и добавляю голосу суровости:

– Уходи и даже не думай возвращаться. Ты мне здесь не нужна.

Губы девочки дрожат, я стараюсь не обращать внимания.

– Я лишь хотела узнать, не находила ли ты мой крючок для обуви. Мамочка жутко разозлится, если я его потеряла. Он единственный, больше мы с собой в Америку не взяли, – дрожащим голосом говорит Ада.

В Америку? Она что, не знает, где находится? Внимательнее осматриваю старомодное платье Ады. И сглатываю.

– Как... вы собираетесь попасть в Америку?

Она вытирает глаза тыльной стороной ладони.

– На «Титанике». Папа говорит, это самый большой корабль в мире.

У меня кружится голова.

– Ты пришла сюда, чтобы забрать свой крючок для обуви?

Мой голос звучит гораздо менее уверенно, чем пару секунд назад, а мысли роятся вокруг странного загнутого прута, найденного вчера среди книг. Дрожащими руками я достаю его из своей сумки.

Ада хватает крючок и исчезает. Вот бы мне сейчас исчезнуть.

Глава 7

Эти голоса

Я лежу без сна на большой кровати с балдахином, украшенным вырезанными на нем цветками рудбекии, и смотрю на шкаф. Телефон валяется рядом.

С той ночи я так и не проверила, остались ли в тайной нише письма Эбигейл. Сама мысль, что они могут быть там, приносит успокоение, словно Элайджа все еще рядом со мной. И вот так, лежа в темноте, я почти верю в то, что он внезапно может появиться.

Он будет привычно серьезен. Я расскажу ему о папе и о своем последнем сне. Элайджа выслушает и даст совет, которым я, конечно же, не воспользуюсь. И

время от времени, когда Элайджа будет думать, что я не обращаю на него внимания, стану ловить его взгляды.

Я кручу пустую вазу на тумбочке, ту самую, в которую Элайджа каждый день ставил новый цветок рудбекии. От пришедшего сообщения экран телефона загорается: на часах 12:27.

Сюзанна: «На месте».

Хватаю фонарик и открываю дверь комнаты. Я осторожно обхожу скрипучие половицы, мягкие черные тапочки приглушают шаги. На верхних ступеньках покрытой ковром лестницы замираю. Сегодня я впервые прокрадываюсь куда-то втайне от отца.

На цыпочках миную коридор, проходя на кухню, и останавливаюсь. В патио стоят Мэри, Элис и Сюзанна и заглядывают внутрь через окно.

– Все равно не понимаю, почему нельзя было собраться у меня, – шепчет Элис, стоит мне открыть дверь. – Предки даже не заметили бы.

Я прижимаю палец к губам, и Элис закатывает глаза. Наследницы молчаливо следуют за мной в библиотеку. Я включаю фонарик, освещая высокие книжные полки из темного дерева.

– Так, обещайте, что никому не расскажете о том, что я вам сейчас покажу, – шепчу я.

Наследницы незамедлительно кивают. Я обхожу небольшой столик, заваленный книгами, и останавливаюсь у камина. Наверное, если бы пришлось выбирать лучшее качество Наследниц, им точно является умение хранить секреты. Я тянусь к нише между кирпичами, нашариваю железный крюк и тяну за него. Деревянная панель слева от камина отъезжает, открывая проем. Мэри выпускает тихий писк и прижимает ладонь ко рту. Сюзанна улыбается. Элис проводит пальцами по панели и толкает дверь.

– Ты прикалываешься? У вас дома есть настоящий потайной ход? – удивляется она.

Наследницы проходят через дверь. Я следом за ними шагаю в узкий, выложенный кирпичом коридор, закрывая за собой проход и снимая со стены лампу. Поворачиваю маленькую ручку. Пламя вспыхивает под колпаком старого стекла, а кирпичи озаряются мягким светом.

– Я пойду первой, – говорю уже в полный голос и протягиваю лампу Сюзанне. – Будешь замыкающей?

– Без проблем.

– Лестница очень крутая, – замечаю я. – Так что не запнитесь, а то все упадем.

Ступеньки кряхтят у нас под ногами, отмечая каждый шаг в тайный кабинет бабушки. Я не была здесь с той самой ночи. Так и вижу в кабинете Элайджу. Как он хмурит брови, сидит, склонившись над кипой старых журналов. Его темные волнистые волосы спадают на лицо, а карандаш зажат в зубах, когда Элайжда пытается одновременно удержать целых три книги. Это был и его кабинет.

– Это место словно перенесли сюда из старинного британского особняка! – восклицает Мэри, проводя рукой по деревянным балкам и крутым стенам.

– Когда ты нашла тайный ход? – Сюзанна изучает массивный стол, заваленный бумагами.

– Вскоре после переезда. Наверное, через день-два. Бабушка хранила здесь все записи о судах над ведьмами, подробностями которых я вас потом удивила.

Элис смахивает пыль с антикварного подсвечника, стоящего на стопке книг:

– Скажу честно, это стоило того, чтобы тащиться сюда посреди ночи.

Поднимаю крышку обтянутого кожей сундука у стены и достаю большой сверток. Наследницы вместе со мной присаживаются на пыльный ковер. Я разворачиваю полосы белого льна, открывая взглядам потрепанную книгу в кожаном переплете с серебряным тиснением.

– Вот ты отжигашь! Это же книга заклинаний! – Элис чуть не подпрыгивает на месте.

Я раскрываю книгу и листаю мягкие рукописные страницы, бегло просматривая названия заклинаний.

– Она создана в конце семнадцатого века.

Элис ударяет себя по колену:

– Как ты можешь вести себя так спокойно в такой момент? У тебя в доме есть тайный кабинет и долбаная книга заклинаний из семнадцатого века!

Мэри смеется:

– Вау, Элис, не подумала бы, что ты такая фанатка древностей. Если хочешь, могу подкинуть тебе работенку в антикварном магазине моей тетушки. Но ты должна пообещать, что не будешь липнуть к ее шкафам.

Мы с Сюзанной ухмыляемся.

– Давайте, смейтесь, дуры! – ворчит Элис, а потом добавляет, указывая на книгу: – Но это реально мощная вещь!

Сюзанна убирает с лица прядь волнистых каштановых волос.

– Где ты отыскала такую древнюю книгу?

– Элайджа нашел ее, – говорю я, не поднимая головы.

– Тот самый призрак? Вы все еще общаетесь? – изумляется Мэри.

Собираюсь ответить, но успеваю себя остановить, прежде чем горькое «хотелось бы» срывается с языка.

– Что ж, думаю, это может помочь. Заклинание «Как удержать на расстоянии незваных духов», – замечаю я, указывая на открытую страницу и выкидывая из головы мысли об Элайдже. – Если у вас, конечно, нет идей получше.

Я кладу книгу в центр ковра, чтобы Наследницы могли прочесть заклинание. Элис чуть не отталкивает Мэри, чтобы разглядеть книгу поближе.

– Отличный выбор, – одобряет Сюзанна.

– Хорошо, – отвечаю, глядя на страницу. – Завтра соберу нужные травы в саду миссис Мэриверзер и начнем.

– Не уверена, что нам необходимо ждать до завтра, – говорит Сюзанна и поднимает взгляд на меня. – Заклинаниями можно пользоваться иначе.

– Травы и зелья нужны, пока ведьма учится. Ну, еще очень полезно иметь заготовки для конкретного колдовства. Вскрытия замков, например, – равнодушно добавляет Мэри.

Я не ослышалась? Чем они занимаются в свободное время? Перед глазами встает картина: Сюзанна, карабкающаяся по стене моего дома полгода назад.

– Колдуя группой из четырех человек, – говорит Элис, – которую также называют ведьминским кругом, можно не задумываться об ингредиентах и переходить сразу к заклинанию. Так гораздо эффективней.

– В итоге ведьма способна творить магию без остальных членов круга. Нам еще далеко до этого, – замечает Сюзанна. – Хотя, судя по тому, что мы видели той ночью, насчет тебя я не уверена.

Я игнорирую ее последнее замечание:

– Значит, можем попробовать сейчас?

– Да, но... – начинает Элис.

– Что «но»?

– Мне обязательно нужно вернуться сюда и прочитать каждую страничку этой книги, – говорит она. – И пожалуйста, еще раз хорошенько обдумай предложение присоединиться к кругу. Ты считаешь, что я прошу тебя стать одной из нас с каким-то тайным умыслом, но кости всегда сообщают только самое важное.

– О, теперь, поняв, что ты жаждешь общаться со мной ради книги заклинаний, я определенно скажу «да».

– Из всех моих слов ты выделила именно это? Идиотка, – ворчит Элис.

Сюзанна вклинивается в наш спор, не позволяя мне ответить:

– Вообще-то, мы хотели, чтобы ты присоединилась к кругу до того, как узнали о книге. И да, это не отменяет факта, что подобную книгу заклинаний мы искали лет с десяти. Сборнику, которым мы пользуемся, меньше лет – он конца девятнадцатого века. Элис просто воспринимает это как знак.

Мэри кивает, а я смотрю на Элис, упрямо выдвинувшую подбородок.

– О'кей, я дам тебе почитать книгу и подумаю над вашим предложением. Давайте уже приступим к заклинанию!

Мэри достает из сумки четыре черные свечи и расставляет их вокруг книги. Сюзанна поджигает фитили, а я выключаю лампу. В свете свечей кабинет выглядит лучше, словно так и задумывался. Элис протягивает руки Мэри и Сюзанне, мы замыкаем круг.

– Зачитывай слова, – требует Сюзанна.

Я откашливаюсь:

– Заблудшие души, внимлите словам, Оставайтесь в мирах, что дарованы вам.

И если пути наши разделены, От меня в стороне вы остаться должны.

Отныне и впредь, навсегда заклинаю:

Увижу я вас, лишь когда пожелаю.

– Еще раз, – требует Элис, я повторяю.

В третий раз мы произносим слова вместе. Ничего не происходит. Наследницы поворачиваются ко мне.

– Что? – неуверенно спрашиваю я.

– Чем сильнее ты концентрируешься на словах и их значении, тем лучше они работают, – поясняет Сюзанна. – Невозможно сотворить заклинание, когда отрицаешь его действие.

– Так что переступи через себя, хватит осуждать магию, – возмущается Элис.

– Да я... – Оправдываться нет смысла, девочки правы. – Ладно.

Делаю глубокий вдох и на секунду прикрываю глаза. Снова читаю строки заклинания, Наследницы подхватывают их. Наши голоса сливаются и звучат, словно песня, многослойная и неземная.

– Отныне и впредь, навсегда заклинаю: увижу я вас, лишь когда пожелаю.

Нас обдувает ветерок, но проникает он не через окно или дверь. Он спиралью со свистом закручивается вокруг нас, развевая волосы. Страницы книги начинают переворачиваться сами собой. Сжимаю ладонь Сюзанны, с другой стороны в мою руку до боли вцепляется Мэри. Ветер доносит до нас обрывки голосов, женских и мужских. Они звучат тихим шепотом, словно находятся вдалеке от нас. Ветер свистит сильнее и яростней треплет наши волосы. Голоса становятся ярче, отчетливей.

«Странствие... началось... помогите... не предотвратить... даже во сне буду ближе. Даже во сне буду ближе». Теперь голоса кричат. «Даже во сне буду ближе!»

Мэри зажмуривается изо всех сил. Ветер сходит с ума, мечется по комнате, бьет нас по лицу, треплет одежду. Наши руки дрожат. Пламя свечей колышется, но странным образом не гаснет. Внезапно ветер исчезает, и в комнате воцаряется гробовая тишина. Волосы опадают, ложась на плечи.

Мэри широко раскрывает глаза:

– Эти голоса...

Я отпускаю руки Наследниц, словно вместе с этим можно избавиться и от самого заклинания. Пару секунд мы сидим молча, следя за пылинками, кружащими в пламени свечей.

– Теперь ты веришь, что творится что-то странное? – спрашивает Элис.

– Ты же не знаешь наверняка, что означают эти слова. Возможно, какая-то бессмыслица, – отвечаю я, голос предательски дрожит, – которая никак не относится к вашей загадке.

Не успеваю я закончить предложение, как свечи потухают.

– Элис! – визжит Мэри.

– Саманта, лампу, – быстро реагирует Сюзанна.

Ощупываю ковер рядом с собой. Что-то с грохотом падает на пол, Сюзанна кричит. Я ловлю пальцами край лампы и поворачиваю ручку. Маленькая комната озаряется светом.

На полу лежит раскрытая книга.

– Может, она просто упала со стола? – бормочет Мэри, яростно, до боли сжимая запястье Элис.

Захлопываю книгу, и вижу черно-белое фото на обложке «Титаника» Арчибальда Грейси. Я поднимаю ее, чтобы показать девочкам. Верхний левый уголок книги потрепан. Живот сводит судорогой.

- Такие книги раздали нам сегодня на литературе, – замечает Элис.
- И это совершенно точно моя, – отзываюсь я.
- Ты здесь ее читала? – удивляется Сюзанна.
- Нет.
- Это был призрак? – тоненьким от страха голоском спрашивает Мэри.
- Заклинание, кажется, должно отогнать призраков, а не привлекать их, – говорю я, пытаюсь убедить этими словами и Наследниц, и саму себя.

Брови Элис сдвигаются:

- Ты описание читала? Заклятье должно отгонять всякий сброд, чтобы тебе не пришлось сталкиваться с каждым заблудшим духом отсюда и до Тимбукту. Но избежать встречи с теми, кого должна видеть, ты никак не сможешь. Иначе можешь навлечь беду на всех нас.

Я переворачиваю книгу, пряча изображение на обложке. Сюзанна пристально смотрит на меня:

- Что-то случилось, так? Ты что-то от нас скрываешь.

Прекрасно! Она снова читает меня.

- У меня был сон, – отвечаю, встречаясь с ней взглядом.

Глава 8

Нам нужно поговорить

Из окна моей комнаты видно кленовое дерево, его свежие почки светятся красным в лучах рассветного солнца. Отец разбудил меня час назад. Я кричала, мечась по кровати в поту, и с тех пор так и не могу заснуть.

Из стоящей на подоконнике сумки виднеется уголок книги Грейси. Не понимаю, с чего вдруг она появилась в кабинете, когда мы читали заклинание, отгоняющее призраков. Она перенеслась туда из-за заклятия или Мэри права насчет духа? Элайджа как-то оставил в библиотеке книгу, чтобы я об нее запнулась. Вдруг это снова он? На долю секунды мысль о том, что Элайджа вернулся, захватывает меня с головой, какой бы дикой она ни казалась. Сердце чуть не подпрыгивает.

Хмурюсь. Кто недавно убеждал себя в том, что не собирается больше о нем думать?

– Клянусь, Элайджа, если это ты... если все это время ты был рядом и ничего не сказал, я... ни за что тебя не прощу!

Переворачиваюсь на другой бок и резко натягиваю одеяло, ставя этим точку. Но пальцы соскальзывают, и я эффектно ударяю себя по лицу. Да уж. Вот она, идеальная метафора всей моей жизни.

В дверь стучат, я сажусь в постели:

– Да!

– Просили передать тебе, что завтракаем у нас, – заявляет Джексон, толчком распахивая дверь. – Я помешал?

Кидаю взгляд на часы. До завтрака еще десять минут.

– Просто разговаривала сама с собой.

– А, ну что ж... – Он присаживается на кровать и скидывает тапочки. – Так в чем дело?

Я улыбаюсь:

– Понятия не имею, Джексон. Это ты ввалился ко мне в комнату в без десяти семь утра.

– Я про то, что... Вчера ты какая-то дерганая была, а сегодня твой отец рассказал, что ты кричала во сне. Давненько такого не было.

Пытаюсь улыбаться. Не хочу ему рассказывать. Хочу лишь, чтобы заклинание сработало, и вся эта муть осталась в прошлом. Хочу вернуться к беззаботной жизни.

– Я знаю, что где-то там есть «нормальная жизнь», и не успокоюсь, пока ее не отыщу.

Он откидывает с глаз выгоревшие на солнце волосы. Еще только апрель, а Джексон выглядит так, словно целые дни проводит на пляже.

– Хочешь сказать, мутить заклинания вместе с моей мамой – не главный пункт в твоём списке «нормальной жизни»?

Я смеюсь:

– Ты даже не представляешь!

– О нет, прекрасно представляю. Когда я был в пятом классе, мама решила, что я обязан научиться готовить, так что записала на свои курсы выпечки. И все было замечательно. Все лопали за обе щеки. Правда, через неделю все стали звать меня Кексиком.

– Намекаешь, что, если мы с твоей мамой продолжим колдовать, у меня появится кличка Чертова Ведьма или что-то типа того?

– Вообще, ты и впрямь похожа на чертову ведьму.

– Заткнись, Кексик, – возмущаюсь, легонько толкая его.

Он хватает одну из подушек и швыряет ее мне в лицо. Я в шоке раскрываю рот.

– Ну все, тебе не жить!

Кидаюсь на Джексона, и мы вместе падаем на сбитое в кучу одеяло. Он хватает меня за запястья и перекатывается, всем своим весом пригвоздив меня к кровати. От Джексона пахнет хвоей.

– А ты сильнее, чем я думал. Конечно, не настолько, но все же...

– Хочешь сказать, я опасна?

– Хочу сказать, мне повезло, что ты не умеешь драться.

Я смеюсь, и на короткое мгновение на душе становится тепло.

– Надейся и верь, что я не научусь колдовать, а то точно надеру тебе задницу.

Джексон ухмыляется. Он отпускает меня и ложится на бок, опираясь головой о руку. Он сосредоточенно смотрит на меня, и в животе все замирает.

– Пойдешь со мной на танцы? – спрашивает он. – Подозреваю, что из нас получится чумовая парочка с «Титаника».

С «Титаника».

– Секундочку. Что?

– Весенний бал.

Джексон приглашает меня на свидание? Неужели в тот раз он действительно флиртовал? Не шутливо, а всерьез. Словно говоря: «Эй, я хочу тебя поцеловать». Собираюсь коснуться его руки, но внезапно отдергиваю пальцы.

– А почему не пойти туда с девушкой, с которой встречаешься?

На секунду Джексон отводит взгляд в сторону окна, а когда снова поворачивается ко мне, улыбка выдает его напряжение.

– Мне хочется сходить с тобой. По-дружески, ничего такого. Я просто... подумал, что тебе не мешает немного расслабиться. Побывать среди людей.

Теперь мне сводит горло. Пожалуйста, не надо!

– Я не знаю. Просто... не знаю.

Джексон подается ближе, пристально глядя на меня.

– Ты же не идешь с кем-то другим?

Как бы мне хотелось рассмеяться в ответ. Чтобы главной проблемой в жизни было количество желающих пригласить меня на танцы.

– Не в этом дело. Просто не думаю, что вообще пойду.

– Прекращай, Сэм. Да, последние месяцы в школе были так себе. Но тебе самой нужно быть немного активней.

Я отодвигаюсь от Джексона и сажусь.

– А дело не в этом.

Дело в Аде и сне, в предсказании костей Элис и множестве странных совпадений, которые четко советуют мне держаться подальше от всего, что связано с «Титаником» и балом. Взгляд Джексона сосредотачивается на мне, будто друг пытается что-то для себя решить.

– А в чем тогда?

Дергаю одеяло за уголок. Может, стоит рассказать Джексону, что происходит? Ответ ему не понравится, зато мой отказ не будет для него таким обидным.

– Ты ведешь себя так же, как тогда... – хмурится Джексон. – Это как-то связано с тем призрачным парнем?

Сердце мое сразу же пускается в галоп. Сердце, глупое, остановись! С чего это вдруг я разволновалась, когда Джексон завел разговор об Элайдже?
Поднимаюсь и засовываю ноги в тапочки.

– К завтраку опоздаем.

Джексон тоже встает.

– Судя по твоей реакции, ответ «да».

– Я... я просто не собираюсь идти. Не хочу, – произношу это более расстроенным голосом, чем хотелось бы.

Отлично. Теперь Джексон точно поверит, что это из-за Элайджи. Отворачиваюсь, прячась от его взгляда. Как же бесит, что я волнуюсь и что Джексон это видит.

– Ты все еще думаешь о нем?

– Я правда не хочу об этом говорить, – отвечаю, выходя в коридор.

Как мы вообще вышли на эту тему?

– А, ну ясно. – Больше никаких улыбок и шуток.

– В смысле?

– Ты даже не можешь нормально посмотреть на меня, когда мы о нем говорим.

Я быстро сбегая по ступенькам, пульс стучит в ушах. В таком состоянии я ничего не смогу ему объяснить. Нужно успокоиться, все хорошенько обдумать.

– Он исчез, Джексон. Я не из-за него отказываюсь идти с тобой на танцы. Я просто говорю «нет». И не обязана объяснять, почему.

– Очень мило с твоей стороны, Сэм. – Джексон расстроен не менее моего. – Вроде бы я твой лучший друг, но ты не можешь говорить со мной откровенно. Стоит задать личный вопрос, ты тут же сбегаешь.

Черт, ну почему он прав? Я прохожу сквозь прихожую и открываю дверь.

– Джексон...

За дверью с занесенным для удара кулаком стоит Элис.

– Элис?

– Нам нужно поговорить, – заявляет она, входя в дом.

Джексон переводит взгляд с нее на меня.

– Дело серьезное, Сэм, – добавляет Наследница. – Наедине.

– Круто. Значит, с ней ты говорить готова, – выдыхает Джексон.

Он вылетает за дверь и с грохотом захлопывает ее за собой.

Почему мы вообще поругались с утра?

– Вижу, твое утро началось так же роскошно, как мое, – замечает Элис.

– Ты не представляешь, насколько, – бубню под нос я.

Она сразу же направляется в гостиную, я иду следом. Мы занимаем один из мягких белых диванчиков, и Элис скидывает сумку на старый сундук, который служит нам кофейным столиком.

– Вот это я нашла сегодня утром на тумбочке.

Она достает из кармана старинный ключ и протягивает его мне. Изучаю металлическую бирку. На ней выгравирована надпись: 1Й КЛ К D33. Часть надписи стерлась от времени.

– Это что за?..

– Он просто лежал рядом, когда я проснулась, – говорит Элис, награждая ключ таким взглядом, словно он живой.

– Может, он принадлежит кому-то в вашем доме?

Элис качает головой.

– Хочешь сказать, кто-то пробрался в твою комнату и подложил его?

– Когда я ложилась спать, ключа не было. И никто не проникнет в комнату без моего ведома. Я очень чутко сплю. От пылинки на щеке могу проснуться.

– Значит...

По спине бегут нехорошие мурашки.

– А как еще это объяснить? – Элис крутит на пальце черное кольцо с ониксом. – Меня посетил призрак.

Смотрю на ключ и поправляю ее:

– Дух.

– Какая разница. Я хочу, чтобы ты научила меня их видеть.

– Чего? Да ты издеваешься! Разве не я просила вас помочь с заклинанием, чтобы больше не видеть духов?

– Да не можешь ты просто взять и перестать их видеть, Сэм. Это не дверь, которую можно в любой момент закрыть. Если сегодня ночью ко мне в комнату

явился дух – что весьма вероятно, – я попросту этого не заметила. Но ты можешь видеть духов. О'кей, тебе не хочется пользоваться этой способностью, зато я... будь я проклята, если не попытаюсь! Да, я хочу, чтобы ты присоединилась к кругу, и верю, что это сделает нас сильнее. Соглашайся или нет, но хватит вести себя как маленькая, и пойми наконец, каким даром ты обладаешь.

Я сжимаю челюсти.

– Понимаю, что ты в ужасе. Я тоже. Но не надо пытаться играть на моем чувстве вины после всего, что случилось.

– А под «всем, что случилось» ты имеешь в виду ту историю, когда твоя мачеха пыталась убить нас?

– Элис, прекрати, – меряю ее долгим взглядом.

– Нет, я должна. Все это время мы хранили твою тайну. Ты заслужила наше молчание хотя бы тем, что сделала. Это даже не обсуждалось. Но мы-то в чем провинились? Не надо от нас отгораживаться, словно ты – единственная, с кем это произошло.

Отдаю ей ключ и встаю с дивана.

– Я правда не хочу об этом говорить, – Черт, я чувствую себя попугаем.

Элис хватается меня за запястье:

– Вспомни Лиззи. Она не сумела оправиться после случившегося и по собственной воле заточила себя в каком-то пансионе. Твои попытки спрятаться в выдуманном «нормальном» мире – тот же нелепый побег. Ты не выкинешь из жизни то, что сотворила Вивиан, как бы яростно ни избегала нас или магии. И да, за все приходится платить, за полученный дар и скрываемые секреты. Прекращай быть эгоисткой! Ты не справишься в одиночку, как и мы – без тебя.

Я сбрасываю с запястья ее руку и ухожу из гостиной. Пошла эта школа! Если с утра балом правит закон Мерфи,[2 - Американский аналог нашего «закона подлости» или «закона бутерброда».] я возвращаюсь в кровать.

Глава 9

Просто плохо спалось

Я рассматриваю натертый до блеска шахматный пол. Причудливое кафе во французском стиле обставлено плетеной белой мебелью и заполнено дамами в изящных кружевных перчатках. Белые решетчатые стены увиты зелеными лозами. Перекрывая шум голосов, на сцене играет музыкальный квартет, в окна бьют лучи яркого света, а с улицы в кафе проникает свежий соленый воздух.

Соленый? Становится неудобно. Там, за окнами, видна вода, и солнечные блики мерцают на ее поверхности. Что это? Очередной сон? Он не похож на предыдущий. Мои мысли проясняются.

Хочу выйти отсюда. Я петляю, пробираясь к ведущей на палубу двери между столиками, за которыми расположились роскошно одетые семьи. Проходя мимо двух беседующих мужчин, случайно задеваю одного из них и резко останавливаюсь. У мужчины седая борода и галстук-бабочка.

– Прошу прощения, – говорю я, но он не отвечает.

– Я слышал, президент Тафт лично пригласил вас, мистер Сед, – обращается к нему другой мужчина, помешивая ложечкой чай в чашке.

– Вы правы, – отвечает мистер Сед.

– Эй, я же извинилась!

Подхожу прямо к столику, но мужчины не удостоивают меня и взглядом. Машу рукой у них перед лицами. Ноль эмоций.

– Э-э-эй! – Меня не существует даже в собственном сне?

Бью ладонью по столу, но от удара нет ни единого звука. Я пытаюсь поднять тарелку, но она словно приклеена к столу. Ну уж нет. Я привлеку их внимание, чего бы это ни стоило.

Взгляд мой падает на крошечную серебряную ложечку для сахара. Я хватаю ее обеими руками и тяну на себя. Ничего. Концентрируюсь сильнее и представляю, что поднимаю ложечку силой мысли. Она слегка подергивается.

– Есть!

Я крепче сжимаю пальцы и направляю больше мысленной энергии. Ложечка поднимается в воздух на несколько сантиметров. Мужчины мгновенно прекращают разговор.

– Ну что, теперь вы меня видите? – спрашиваю, довольная собой, хотя прекрасно понимаю, что смотрят они не на меня, а на парящую ложку.

Мужчины резко отодвигаются от стола, так что стул мистера Стеда врезается мне в бок. Пытаюсь отступить, но теряю равновесие и падаю на черно-белые квадратики шахматного пола, так и не выпуская из рук ложечку.

– Эй! – Открываю глаза. – Смотрите, куда...

Я уже в своей комнате. Кричать больше не на кого.

– Что за черт? – возмущаюсь я.

В ладони я сжимаю маленькую серебряную ложечку. Остатки сна как рукой снимает. Этого не может быть! Оттуда ничего нельзя взять с собой, сны – нереальны. Зажмуриваюсь на пару секунд и вновь открываю глаза. Ложка на месте.

Я вскакиваю с кровати. Нужно все рассказать девочкам, нужно... Воспоминания об утренней ссоре с Джексонем и перепалке с Элис обрушиваются на меня, как ледяной душ. К тому же они все равно еще в школе.

Прячу ложку в тумбочку и меряю шагами комнату. Мне нужен свежий воздух! Натягиваю на себя первую попавшуюся одежду и выхожу в коридор.

– Пап! – зову я.

– Ты в порядке? – раздается его голос.

– Ага, – кричу я в ответ, сбегая по лестнице. – Просто прогуляюсь.

Он выходит в прихожую одновременно со мной.

– Может, сначала пообедаешь? Или хотя бы перекусишь? Хочешь банан?

Скручиваю волосы в небрежный пучок на макушке и накидываю куртку:

– Не, я не голодная. Кажется, переспала. Ощущаю себя какой-то дерганой.

– Есть минутка? Хочу кое-что тебе показать.

Я мешкаю, смотрю на дверь...

– Да. Конечно.

И следую за отцом по коридору. Он распахивает дверь своего кабинета, старомодного, с глобусом цвета сепии и высокими книжными полками.

– Ты знала, что этот кабинет раньше принадлежал моему отцу? В детстве мне запрещалось даже совать нос сюда. Впрочем, это не мешало нам с Мэй рыться здесь всякий раз, когда была возможность. – Он подмигивает мне и идет к массивному столу.

– Вы с дедушкой были близки?

О нем я знаю даже меньше, чем о бабушке. Дед умер, когда папа учился в колледже. Пока я росла, о дедушке со мной никогда не говорили. Вообще я заметила, что отец в последнее время чаще предается воспоминаниям. Что ж, он

хотя бы не поминает Вивиан, так что я не против.

– Мы мало общались, – смеется папа. – Я всегда принимал это близко к сердцу и пытался его разговорить. Но отец всегда был прям и говорил только то, что думал. Даже когда злился на меня. – Он указывает на большое кресло перед столом. – Когда я безобразничал, он заставлял сесть сюда и рассказать все, как есть, используя только факты. Без эмоций, без объяснения причин, а потом спрашивал, какое наказание мне следует за это получить.

– Ха, в этом ничего такого, наказания легко избежать.

– Зря ты так думаешь. Он смотрел на меня пытливым взглядом, как бы говоря «мы оба знаем, чего ты заслуживаешь», пока я не называл самое суровое наказание. Мэй до слез хохотала, когда я пересказывал ей наши беседы с отцом. Знаю, ты считаешь ее милой и хорошей, но не стоит обольщаться: Мэй блестяще умела устраивать пакости. – Он открывает один из ящиков стола и передает мне фото. – Вот доказательство.

На фотографии папе не больше девяти. Он на заднем дворе, весь заляпан грязью и привязан к дереву. А неподалеку стоит девочка примерно того же возраста и сжимает в руках ком земли.

– Ю-ху, так держать, миссис Мэриверзер! – смеюсь я.

Помолчав секунду, папа говорит:

– Так ты сегодня осталась дома...

– Все в порядке, – слишком быстро реагирую я, – просто плохо спалось, так что я подумала, что могу захрапеть прямо на уроке. Ничего страшного, если пропущу.

– Скажи, если произойдет что-то серьезное, ты ведь расскажешь мне?

– Ага. – Кладу фото на стол и одергиваю рукава куртки, пытаюсь натянуть их ниже необходимого. – Пойду прогуляюсь.

Брови отца сходятся на переносице. Я выдавливаю из себя улыбку:

– Пап, хватит переживать! Я в порядке.

Кажется, мои слова звучат неубедительно.

– Когда вернешься, приготовлю равиоли с тыквой в шалфеевом масле и чесночные гренки, как ты любишь. А еще у меня есть пара историй о Мэй, от которых ты просто упадешь.

– Только суперчесночные, о'кей? – смеюсь я.

– А как иначе?

– Жду с нетерпением.

Я посылаю ему воздушный поцелуй, выхожу из кабинета, а потом и из дома. Шумно вдыхаю прохладный весенний воздух, застегиваю куртку и отправляюсь в центр города. Возможно, я веду себя глупо. Возможно, папа не начнет психовать, если я расскажу ему, что вижу духов. Черт, о чем я вообще думаю? Он точно взбесится.

Старые камни мостовой проигрывают войну корням, а в садах начинают распускаться фиалки. Как-то раз я сказала Элайдже, что эти крошки – мои самые любимые, потому что они непростительно дерзкие. А он ответил: «Как и твоя речь».

Расплываюсь в улыбке, вспоминая это.

Даже в такое раннее время магазины заполнены народом. Все поддаются радостному весеннему чувству, когда просто хочется выбраться из дома, хотя на улице еще прохладно. Судя по взглядам, которые иногда бросают на меня, люди в Салеме знают, кто я такая.

– Деточка, – раздается голос, и я поворачиваюсь на звук.

Женщина с длинными волосами с проседью стоит в дверях магазина и смотрит на меня. Лицо ее скрывает тень, на ней – драпированное черное платье.

Незнакомка смотрит в мою сторону и машет рукой, приглашая зайти.

У магазина никаких опознавательных знаков: окна занавешены, нет вывески, только старое кирпичное крыльцо и черная потертая дверь.

– Нет, спасибо, мне ничего не нужно, – говорю женщине, пряча руки в карманы.

– Ты сама не знаешь, что тебе нужно, – заявляет она. – Заходи.

Прохожие обходят нас стороной, кидая косые взгляды.

– Д-да... у меня и денег с собой нет.

Она морщится:

– Думаешь, мне нужны твои деньги?

– Я имела в виду...

Несколько человек останавливаются на нас поглазеть. Самое занятное, что больший шок у них вызывает женщина в магазине, а не я. Она шире открывает дверь и возвращается в темный коридор. Да пошло оно! Я проскальзываю следом за ней, и дверь со щелчком закрывается за спиной.

– Эй? – Кручусь на месте. – Здесь темно, хоть глаз выколи. Я ничего не вижу.

– Входи, входи, – раздается приглушенный голос.

– Так я уже вошла.

Никакого ответа. Это прикол такой? Я вытягиваю руки перед собой и осторожно иду в сторону, откуда слышался голос. Пальцы касаются стены, и по ней я иду дальше по извилистому темному коридору. Чем дальше отхожу от двери, тем больше нервничаю.

– Так, я пошла обратно, – заявляю в темноту, хотя не уверена, что сумею вернуться из этого лабиринта. Во что я снова вляпалась?

– Храбрая, но нетерпеливая! – восклицает женщина, когда руки мои нащупывают занавеску.

Как-то неприятно слышать, когда тебя оценивают вслух. Я отдергиваю занавеску и захожу в идеально круглую комнату, освещенную свечами в высоких кованых подсвечниках. Стены прикрыты черными бархатными шторами, а на полу яркая мешанина разноцветных ковров и подушек. Воздух пропитан ароматами лимона и имбиря.

В центре комнаты на подушке рядом с низким круглым столиком сидит та самая женщина. Не совершила ли я ошибку?

– Так в чем дело? – спрашиваю я.

– В тебе.

Я переминаюсь с ноги на ногу, готовая в любой момент сорваться с места.

– Во мне?

– Именно это я и сказала. Ты невнимательная. Думаешь, я пригласила тебя наугад, просто человека из толпы?

– Думаю, что нет, но...

– Конечно, нет. Все, прекращай топтаться на месте и присаживайся, потому что повторять я не стану.

– Повторять что? – Я рассматриваю разноцветные подушки.

– Кое-что произошло после того, как вы произнесли заклинание. Да сядь уже!

И я сажусь.

– То, которое мы прочитали? А как вы вообще о нем узнали?

– Не надо глупые вопросы задавать. Я знаю. Я живу на этом свете гораздо дольше вас вместе взятых, и этого достаточно. Вернемся к тому, что прошлой ночью вы с подругами запустили цепочку событий – и теперь обязаны ее закончить.

– Ничего мы не начинали. – Скребу ногтями лоб. – Вообще-то я хотела перестать видеть духов.

– Чушь какая! Ничто не избавит тебя от способности их видеть. Дар либо есть, либо его нет.

Кто она такая? Постаревшая копия Элис?

– О'кей, я поняла.

– Считаешь, тебе тяжело? – Женщина изучает меня взглядом. – Бедная такая, несчастная? Хватит уже. У тебя дар. Прими его.

Ловлю ее взгляд, в груди вспыхивает гнев.

– Слушайте, мне не нужен курс психотерапии.

– А что, я не права? – усмехается она. – У тебя потрясающая способность к магии, ты можешь видеть духов. Ей-богу, посмотри на себя: юная, богатая и здоровая девушка. Ты из тех, у кого есть привилегии. Ты без опаски можешь колдовать, потому что живешь в Салеме в такие времена, когда ведьмам не нужно бояться преследования. Это как минимум. А теперь прикинь, насколько хуже могло бы быть. Если ты и вправду такая умная, как думаешь о себе, то ты бы слушала сейчас, а не спорила со мной.

Смотрю на нее, стиснув зубы, молчу. А что я скажу, когда она права?

Женщина кладет руки на стол, и серебряные браслеты на ее запястьях стучат о деревянную столешницу. Она трясет пальцем, направленным на меня.

– Вот почему я больше не помогаю людям. Знаешь, как говорил Сартр? «Ад – это другие»[3 - Слова из пьесы «За закрытыми дверями» французского философа Жан-Поля Сартра.]. И я с ним согласна.

Издаю короткий смешок:

– Занятные у вас способы помогать.

– Я пытаюсь предупредить вас. – Она приподнимает бровь. – Вы с подругами, колдуя, ведете себя как слон в посудной лавке. И поплатитесь за это. И многие другие, как говорят мои кости.

Пульс подскакивает. Может, все-таки она не просто чудаковатая старуха? Из голоса испаряется весь сарказм:

– Постойте, кому-то грозит опасность? Мы в опасности?

Женщина хватает меня за руки.

– Да оглянись ты! Хватит думать только о себе, своих друзьях и проблемах.

Пытаюсь вырваться, но она держит крепко.

– Что мы начали, сотворив заклинание? Что натворили?

– О, на самом деле ты знаешь.

Она подается ближе. Я проглатываю ком, застрявший в горле.

– Это как-то связано с ключом, который нашла Элис, или с моими снами?

Женщина разжимает пальцы, и я торопливо высвобождаю руки.

– Я уже сказала слишком многое. А ведь обещала себе, что больше не стану ввязываться.

Теперь я приближаюсь к ней.

– Но вы толком ничего и не рассказали.

– А мне нечего рассказывать. Все, что мне известно: тропа, на которую вы ступили, принесет лишь смерть. Все... я сказала это, совесть моя чиста. – Она встает. – Тебе пора уходить.

– Постойте, нельзя просто заявить, что какая-то тропа ведет к смерти, и ничего не объяснить. – Тоже поднимаюсь из-за стола. – Скажите мне, кто умрет?

– В предсказании не было ничего определенного, – хмурится она.

– Я?

– Возможно, – колеблется женщина.

– Мои друзья? Семья?

– Я уже сказала, не было четких знаков.

Я иду за ней к другой занавеске, похожей на ту, через которую я попала сюда.

– Когда я спросила, не я ли это, вы сказали «возможно». Вы что-то знаете и молчите?

– Нет. И хватит мучить меня вопросами, у меня нет ответов на них. – Она отдергивает штору и поворачивает дверную ручку. – За предупреждение можешь не благодарить.

Волна ее густых волос соскальзывает на плечи. От них пахнет лавандой. Дверь со щелчком открывается и в проем бьет яркий дневной свет. Я шурюсь.

– Подождите, я даже вашего имени не знаю! – возмущаюсь я, но она молча выталкивает меня на улицу.

За спиной раздается грохот. Дергаю за ручку, но дверь заперта.

Глава 10

Это был не сон

Я, пиная отколовшиеся крошки асфальта, стою на школьной парковке рядом с джипом Мэри и проверяю мобильный. Звонок с последнего урока отзвенел больше пятнадцати минут назад.

– Сэм! – окликают меня.

Я вздрагиваю и поднимаю взгляд от асфальта: неподалеку стоят Диллон, Ники и Блэр. Джексона с ними нет.

– Думал, ты сегодня не в школе, – говорит Диллон. – На истории тебя не было.

– Ну да.

Оглядываю парковку, высматривая Наследниц. Ники изучает свой маникюр, делая вид, словно меня не существует.

– Везет! Вот бы мне предки позволили не ходить в школу, – восклицает Диллон. – Даже когда болею, надо разыгрывать целый спектакль и падать, теряя сознание. И все равно они скажут «нет».

– То же самое, – тянет Блэр. – А с организацией бала нам с Ники даже выдохнуть некогда. Я, наверное, рухну замертво, когда это все закончится.

– Вот именно. Так что, если ты заразная, к нам не приближайся, – заявляет Ники гораздо агрессивней, чем стоило бы, размазывая по губам новую порцию блеска.

– Я здорова, – говорю в ответ.

– Тогда, может с нами? Хотим пересечься с Джексонем и поесть в пекарне его мамы, – предлагает Диллон.

Ники бросает на него уничтожающий взгляд. Они идут в «Сладкие чары»? Так, мне все меньше и меньше нравится, что Диллон встречается с Блэр. Киваю на джип:

– Спасибо за приглашение, но я жду Элис, Мэри и Сюзанну.

– О-боже-мой... только не говори, что тебе пришлось остаться дома из-за призрака! – ахает Блэр, словно меня показали в новостях по телевизору. – Невероятно.

Не успеваю я ответить, как из-за большого внедорожника, припаркованного рядом с джипом Мэри, выходит Мэтт, пиная по пути сумку Ники. Извиниться он даже не пытается.

– Ай! Смотри куда прешь! Это настоящая замша, – Ники чуть не кричит от боли.

– Пого-одь, – протягивает Мэтт, останавливаясь. – Так твоя сумка из замши?

Ну, началось. Мэтт улыбается:

– Может, и цену назовешь? Уверен, сумма – отвал башки.

Обожаю его!

– Если это ревность из-за того, что я собираюсь тусоваться с Джексонем, так и скажи, – самодовольно бросает Ники.

Это сейчас в чей огород камень полетел?

– Ревную? К Джексону? – Мэтт многозначительно смотрит на меня, снова переводит взгляд на Ники и со смешком выдавливает: – Размечталась.

И просто уходит.

– Вот ты задница, Мэтт! – кричит Ники ему вслед, покрасневшись.

– Конечно, ты же в них спец, – заявляет он, не оборачиваясь.

Взбешенная Ники поворачивается ко мне, и тут я понимаю, что улыбаюсь.

– О, тебе смешно?

Ага, теперь я виновата?

– От себя скажу: очень, – раздается из-за спины голос Элис. – А теперь вали отсюда, пока Мэри не испортила твой поправленный хирургом носик.

Подойдя ко мне ближе, Наследница подмигивает Ники. Та истерично прикрывает руками нос.

– Идем.

Блэр смотрит на нас и уводит Ники прочь. В своих одинаковых белых джинсах и сапогах до колен они медленно покидают парковку. Диллон потирает шею, вид у него виноватый:

– Прости, Сэм. Честно.

– Бывает, – говорю я, и он уходит.

– Мне кажется, они с пеленок так себя ведут, – замечает Мэри.

– Мы с третьего класса не ладим с ними, – с ухмылкой добавляет Сюзанна. – После того как Элис, вооружившись метлой и смолой, измазала кукольный домик Ники.

Элис смотрит на меня:

– Мы же соседи. Она почему-то решила, что трясти моего котенка перед носом у своего пса – весело.

Я киваю:

– Совершенно заслуженная расплата!

– В точку, – соглашается Элис и делает небольшую паузу. – Итак... дай угадаю? Ты пришла, чтобы сказать, что я права и мы нужны тебе?

Поднимаю руки в знак того, что уступаю. Мой черед унижаться.

– Вы правда нужны мне. Знаете что-нибудь о пожилой женщине, которая носит кучу серебряных украшений? У нее еще магазинчик с затемненными окнами.

У Мэри чуть челюсть не отваливается:

– Не гони, ты видела Редд?

– Местная легенда, – поясняет Сюзанна.

Элис снимает джип с сигнализации и указывает на двери:

– Садитесь. Не хочется вести серьезный разговор в этом рассаднике кретинов.

Сюзанна и я проскальзываем на заднее сиденье, Мэри забирается вперед. Элис достаточно пары секунд, чтобы завести машину и, взвизгнув шинами, вылететь с парковки. Испуганные ученики шарахаются в разные стороны. Я хватаюсь за поручень.

– Девчонки, так что вы знаете о ней? Почему у нее все окна зашторены?

Сюзанна расправляет подол своей черной юбки.

– Когда-то там располагалась лавка Редд. Она торговала растительными мазями, снадобьями и настоями – лучшими в округе. Половина города вместо врачей ходила к ней в лавку. Однажды Редд во всеуслышание заявила, что сыта по горло и что наш город не заслуживает ее помощи. По крайней мере, мне мама так рассказывала.

– А сейчас, – говорит Мэри, оборачиваясь к нам с переднего сиденья, – никто не знает, чем она там занимается. Владельцы соседних магазинов жаловались на нее, даже пожарные приехали. Но когда они зашли вовнутрь, там были только пустые помещения.

– Редд – одна из Наследниц.

Элис поворачивает в сторону своего дома. Если б я не пристегнулась, точно вылетела бы в окно.

– Редд... стоп, одна из обвиняемых во время процесса над ведьмами – Уилмот Редд? Почему она не назвала мне своего имени?

Элис ударяет по тормозам, останавливаясь на обочине рядом со своим домом. Нас бросает вперед.

– У всех нас свои секреты.

– Выкладывай, что произошло, – восклицает Мэри.

Открываю дверь, радуясь возможности выбраться из джипа.

– Все случилось внезапно и загадочно. Она выловила меня из потока людей на улице и заявила, что мы заклинанием запустили цепь событий...

Элис шикает, когда мы подходим к крыльцу большого белого дома с колоннами. Дверь распаивается до того, как мы успеваем к ней прикоснуться. На пороге стоит высокий мужчина в костюме и белых перчатках. Другой дворецкий, не тот, которого я видела в прошлом семестре на вечеринке Элис. Сколько всего прислуги у этой семьи?

Заходим в холл, звук шагов эхом отдается от блестящих каменных полов.

– Элис, драгоценная моя, – доносится голос из коридора слева от нас. На женщине струящееся платье с цветочным узором, ее светлые волосы уложены в сложную прическу.

– Мама, – в тон ей отзывается Элис.

– Кори придут в гости сегодня вечером. Надень что-нибудь подходящее случаю, – она делает паузу. – Хотя, если решишь пропустить ужин с нами, ничего страшного.

Ого, не так я представляла себе семью, в которой друг к другу обращаются «драгоценная».

– Уже решила, – спокойно отвечает Элис. Теперь понятно, почему Наследница не фанат нежностей.

Ее мать скрывается в коридоре, а Элис, чеканя шаг, пересекает большую гостиную, обставленную мебелью в викторианском стиле. Она открывает дверь в дальнем конце зала, и мы гуськом протискиваемся внутрь.

Мэри щелкает выключателем, который зажигает две напольные лампы от Тиффани. Комната целиком, от пола до потолка, обита черной тканью, тяжелые плотные шторы не позволяют ни единому лучику света проникнуть внутрь. Чуть заметно пахнет травами, которые Наследницы используют для ритуалов. На пол брошен небольшой коврик, стоит уютный черный диван, а в комплект к нему идут кресло и пуфик.

Присаживаюсь. Сюзанна плюхается на диван рядом со мной.

– Нас никто не услышит отсюда?

– Не-а, – отвечает Элис. – В целом родителям плевать. А прислуга постоянно меняется, никто не выдерживает маму больше месяца. Мне не хочется, чтобы каждый новый человек в доме совал нос в мои дела, так что комната звуконепроницаема.

– Комната Редд тоже драпирована черной тканью. Вы обе до жути мнительные.

Элис закатывает глаза:

– Ты такая умная, да, а знаешь, сколько существует заклинаний, позволяющих шпионить за кем угодно? Так что это – защита.

– Ты думаешь, кому-то интересно знать, о чем мы тут говорим?

Кажется, я глупость ляпнула. Жители Салема обожают во все вступать и лезть, так что Наследницы не испытывают недостатка внимания.

– В прошлом году следили за Элис. – Мэри, подложив руку под голову, присаживается на пуфик. – Один парень пытался ее отравить, потому что мы узнали о его махинациях.

Чему я удивляюсь? Девчонки, с которыми я подружилась, как и я, попадают во всякие поганые ситуации. Хотя кто вообще использует яды в двадцать первом веке? Неудивительно, что «Маскарад Борджиа» лидировал в голосовании за лучшую тему.

Сюзанна скидывает туфли и закидывает ноги на диван, пряча их под длинной черной юбкой:

– Так что сказала тебе Редд?

Откидываюсь на подушки.

– Что своим заклинанием мы что-то начали. И теперь обязаны закончить это.

– Что начали? Как? Ты спросила про ключ, который я нашла? – с тревогой в голосе спрашивает Элис.

– Это все, что она сказала. По ее словам, мы знаем больше.

– Супер. Типичная скрытная Наследница, – хмыкнула Мэри.

– Еще Редд добавила, что путь, на который мы ступили, ведет к смерти. Может, моей. Пояснять она не стала. А потом вышвырнула меня за дверь. По ее голосу я поняла, что она почувствовала облегчение, когда предупредила меня, но в то же время она вообще не хочет ввязываться в наши дела.

– Смерть, – выдыхает Сюзанна и смотрит на Элис. – Мама говорила, что Редд – честная колдунья. Она никогда не скажет ничего, пока точно в этом не убедится. К ее словам стоит прислушаться.

– Теперь я считаю, что сообщение о том, что «тьма покроет вас, а путь обернется каменным сном», было зловещим предзнаменованием, – добавляет Мэри.

– А вы знаете всех Наследниц в Салеме?

– Мы не отслеживаем каждого в городе и не делим их на плохих и хороших, – отзывается Элис, почесывая плечо. – Все Наследники разные. И все скрытные.

– Она имеет в виду, – поясняет Сюзанна, – что некоторые собираются в группы, как мы. Другие, как Редд, предпочитают жить в одиночестве. Некоторые вообще не интересуются магией, а другие удивительно хороши в колдовстве. Возьмем, к примеру, наших родителей. Им всегда было плевать на магию. Все мы, включая Лиззи, учили заклинания вместе с бабушками, которые тоже были подругами. И это только ведьмы! А ведь в Салеме еще есть колдуны.

– То есть вы думаете, что Редд сказала правду? – спрашиваю я.

Сюзанна кивает:

– Судя по тому, что я о ней слышала, да.

– Получается, раз Редд рискнула с тобой заговорить, значит, мы ввязались во что-то мощное. – Элис покусывает ноготь. – А о чем точно вы говорили, когда она ответила, что нам лучше знать?

– О заклинании, которое мы прочитали прошлой ночью. Она обозвала нас слоном в посудной лавке.

Сюзанна подается вперед:

– Но как заклинание, которое должно отгонять духов, могло «запустить цепь событий»?

– Тоже хотела бы знать, – говорю в ответ. – Я вновь и вновь проигрываю в голове строки заклинания. В нем говорилось, что призраки перестанут появляться, потому что «пути наши разделены». А последние строчки звучали так: «Отныне и впредь, навсегда заклинаю: увижу я вас, лишь когда пожелаю».

– Думаешь, мы встретили духа, которого «пожелали» увидеть? – без особого энтузиазма интересуется Мэри.

– Наверное, – задумчиво отвечаю я. – Может, мы не только оттолкнули от себя духов, но и привлекли их? Та книга, которая появилась сразу после заклинания, – ключ. Элис думает, что его подкинул дух.

– Хм-м... – Элис откидывается на спинку кресла.

– А сегодня утром я вытащила ложку прямо из своего сна.

Мэри подскакивает на диване:

– Что-о-о?

– И ты только сейчас об этом говоришь? – возмущается Элис.

Убираю волосы за ухо и кладу локти на колени.

– Мне снова снилось, что я на «Титанике», только на этот раз сон был другим. Никаких резких перемен, как бывает в снах. Все казалось четким и ясным. Самым странным было то, что никто меня не видел. Я могла только наблюдать за всем со стороны. И это так взбесило, что я попыталась взять что-нибудь со стола. В итоге схватила ложку. Проснувшись, так и продолжала сжимать ее в руке.

Наследницы обмениваются взглядами.

– Это был не сон, – говорит Сюзанна. – Не знаю, что именно, но точно не сон.

– Но я же спала!

Мэри округляет глаза:

– Так, стоп, вы хотите сказать, что не все мои сны на самом деле сны? Нет, я так не играю!

– Смотрите, ночью мы прочитали заклинание, – говорит Элис, барабаня пальцами по ручке кресла. – На следующее утро я нашла на тумбочке ключ со странной биркой, а Сэм попала в не-сон, из которого смогла забрать ложку. Редд заявила, что тропа, на которую мы ступили, принесет смерть... и я вообще не понимаю, что происходит.

Пару секунд мы молчим.

– Может, попробуем другое заклинание? – спрашиваю я. – Есть заклятие, которое поможет нам найти больше ответов?

– Нет. Рано еще, – отрезает Элис. – Предыдущее заклинание обернулось против нас. Сейчас необходимо понять, что произошло. Выяснить, как все события связаны. – Она делает паузу. – И надо же, посмотрите, кто предлагает воспользоваться магией!

Пожимаю плечами. Элис победила, признаю.

– Так что, теперь ты в нашем круге? – улыбается Сюзанна.

Все взгляды обращаются ко мне.

– Видимо, да, – отвечаю я и понимаю, что, сама того не желая, расплываюсь в улыбке. – А еще я должна показать вам один портрет.

Глава 11

Могу потерять вас

Папа ведет девочек по тускло освещенному коридору в сторону... бального зала? Поверить не могу, что сама его так называю, вернее, что в нашем доме вообще есть помещение с таким названием. Проходя мимо изменившегося портрета, хмуро смотрю на него.

– Дом огромный! – Сюзанна оборачивается ко мне, вынуждая отвести взгляд от картины.

– Идеален для вечеринок. А мы обожаем их закатывать! – восклицает Мэри.

– Некоторые из нас, – поправляет Элис.

Игнорируя замечание подруги, Мэри гладит себя по животу:

– Не, так объедаться нельзя. Кажется, я в одиночку прикончила целую тарелку чесночных гренок. А канноли[4 - Канноли – традиционный сицилийский десерт, хрустящая вафельная трубочка с начинкой из рикотты с добавлением различных сиропов.] с шоколадным сиропом, ммм... просто бомба!

– Да, напала на еду так, словно тебя полжизни голодом морили, – ехидничает Элис, хотя сама уплетала не меньше. – Но я-то знаю, у вас дома холодильник всегда набит до отказа.

– Поправочка: набит здоровой пищей, овощами и граноловым парфе, но не канноли.

– Приходите в любое время. У нас всегда столько сладостей, что хватило бы на весь город, – говорит папа, когда мы заходим в бальный зал.

Он явно в восторге, что девочки не только пришли на ужин, но и попросили показать им дом. Мэри улыбается.

– Осторожней с такими предложениями, мистер Эм, – советует Элис. – Не дайте себя обмануть: Мэри, может быть и выглядит, как малютка, но метаболизм и бесконечный голод у нее, как у тасманского дьявола.

Девочки, как по команде, останавливаются и оглядывают зал.

– Мы словно перенеслись в девятнадцатый век, – выдыхает Сюзанна. – Божественно.

– Что ж, можете устраивать здесь вечеринки, когда вам угодно, – говорит папа.

Мэри выходит в центр зала и кружится. Глаза ее широко распахнуты.

– Может, соберемся здесь перед Весенним балом? Фотки получатся идеальные.

Папа сияет:

– Отличная идея.

– Я не собиралась... – начинаю я, но слова тонут в восторженном визге Мэри.

– На чем вы тут слушаете музыку?

– Есть старый граммофон, а еще можно принести стереосистему с колонками.

Я осекаюсь, вспоминая ссору с Джексон. В порыве достаю телефон и проверяю сообщения, но там пусто. Обычно от него приходит по десять эсэмэсок за день. Я печатаю: «Можем поговорить?» и нажимаю кнопку «отправить».

Мэри подходит к граммофону, убирает крышку и опускает иглу на пластинку. Комнату заполняет классическая музыка с поцарапанной пластинки, и Мэри поднимается на цыпочки, принимаясь танцевать. Что-то в этой музыке кажется мне странно знакомым, в нехорошем смысле. Наследница поднимает иглу, и зал вновь погружается в тишину.

Раздается трель дверного звонка. Джексон?

– Сейчас открою, – выпаливаю я.

Неужели он так быстро пришел? Выхожу в прихожую и смотрю в глазок. На улице никого. Открываю дверь и прищуриваюсь, всматриваясь в темноту. Длинная и блестящая белая коробка с черным бантом лежит на крыльце, под

ленту заложена карточка. Я выхожу из дома и оглядываюсь.

– Кто здесь?

Вопрос остается без ответа, и с обочины не слышно звука отъезжающей машины службы доставки. Я заносу коробку в дом и достаю карточку. Она подписана красивым почерком, не таким затейливым и с кучей завитушек, как у Элайджи, но схожим.

Читаю:

«Моей дорогой племяннице.

Надеюсь, в скором времени ты сможешь составить нам компанию за ужином.

С любовью,

тетушка Майра Х. Х.».

Племяннице? Майра Х. Х.?

– Па-а-ап...

Отец так быстро мчится по коридору, что мне становится стыдно за свою реакцию. Девочки идут за ним следом.

– Сэм? – выдыхает он и опускает взгляд на красивую коробку.

Он весь на нервах. Кажется, как и я, отец ждет, что в любое мгновение произойдет что-то плохое. Протягиваю ему карточку. Папа хмурится.

– Хм-м, дичь какая. Я и твоя мама были единственными детьми в семьях... И я не знаю никого по имени Майра. Возможно, эта «тетушка» из дальней родни твоей бабушки? Только я думал, что Хэкстонов больше не осталось.

– Хэкстонов?

– Девичья фамилия бабушки. Скорее всего, именно это и означает одна из Х. Не припоминаю, чтобы в нашей семье были другие фамилии на Х. Может быть, это одна из ее кузин, о которых я не знал? – Папа смотрит на меня. – Если подумать, тот портрет, который мы с тобой обсуждали... на нем должна быть одна из Хэкстонов. В конверте больше ничего не было?

– Не-а, ни адреса, ни телефона.

Отстранив Мэри, Элис подходит ближе, чтобы рассмотреть карточку.

– Ну же, Сэм, открывай! – подбадривает Мэри. – Скорее б увидеть, что там.

Я развязываю аккуратный бант и на вытянутых руках снимаю с коробки белую крышку. Вдруг оттуда на меня что-нибудь выскочит? Внутри, обернутое розовой папиросной бумагой, лежит зеленое шелковое платье с короткими рукавами из белого кружева. Сон! Это то самое платье, лежащее на палубе!

Потираю ладони, избегая смотреть на отца. Сюзанна достает платье, и длинный подол водопадом ниспадает на пол. Ткань собрана сложными складками, а кружева кажутся удивительно тонкими и изящными.

– Зачем кому-то присылать мне платье?

– Не просто платье, – поправляет Мэри. – А вечерний туалет эдвардианской[5 - Времен правления короля Эдуарда VII (1901–1910).] эпохи.

Брови Элис ползут вверх:

– Эдвардианской? То есть времен «Титаника»?

Мэри кивает, и мы вместе пялимся на платье.

– Это же тема вашего школьного бала? – спрашивает папа.

– Ага. Может, наша родственница из Хэкстонов как раз поэтому его и прислала?

– Я плохо знаком с Хэкстонами. Как-то странно, что одна из них ни с того ни с сего решила отправить тебе вечернее платье, – смеется отец, – а ведь мы как раз говорили о том, что неплохо было бы сфотографироваться перед танцами.

Негромко прокашливаюсь. Интересно, папа понимает, насколько это странно? Или для него это простое совпадение?

– Тетушки вечно отправляют мне платья, – выдает Элис, и я благодарна ей за попытку сгладить ситуацию. – Помнится, на десятилетие у меня было около семи платьев на выбор.

– Если этой Майре известно о школьном бале, должно быть, она живет неподалеку. Хочешь, расспрошу о ней Мэй? – интересуется папа.

Я качаю головой:

– Не надо, пап, сама спрошу. Заодно попробую отправить в ответ открытку или письмо с благодарностью.

– Только ты можешь принять в подарок прелестное платье с таким мрачным видом, – улыбается отец. – А в детстве ты их любила.

Напряжение сходит на нет.

– В таких платьях неудобно, постоянно наступают на подол, – отвечаю я.

Какое счастье, что папа думает, будто я расстроилась из-за платья.

– Держи. – Он возвращает карточку. – Пойду проверю, вдруг машина службы доставки еще не уехала.

А если я ошибаюсь? Может, на самом деле папа понимает, насколько все это странно, просто не подает вида? Он выходит на улицу и затворяет за собой дверь. Наследницы придвигаются ближе ко мне, наши плечи соприкасаются.

– Я видела это платье во сне. В самом-самом первом. На палубе корабля, – быстро и нервно говорю я.

Элис потирает лоб:

– И мы как раз говорили о танцах, когда принесли коробку. Очередная вещь, возникшая из ниоткуда. В совпадения я не верю. Думаю, Редд была права: что-то случилось после заклинания. Ничего не делай с платьем, пока мы не решим, что с ним делать, – даже шепот у нее с приказным тоном.

– Надо понять, кто такая эта Майра Х. Х. – говорит Сюзанна. – Спрошу о ней у мамы. Мэри, ты тоже поговори с родителями.

– Я посмотрю в кабинете бабушки. Может, остались какие-нибудь записи о дальних родственниках. И еще, не хочу менять тему, но раз вы сами предложили встретиться у нас перед балом... Вы правда, думаете, что нам стоит идти на танцы с такой темой?

– Мы не уверены, что танцы со всем этим как-то связаны. Если да, то мы обязаны пойти, это не обсуждается. Нам нужна любая информация. – Элис награждает меня предостерегающим взглядом. – И я не шучу: не трогай платье, Сэм.

Если Элис права и избежать школьного бала никак не получится, нужно поговорить с Джексон. Ситуация изменилась.

Дверь открывается, и мы с Наследницами отпрыгиваем друг от друга.

– Доставки нет, – сообщает папа.

– О'кей, я позвоню тебе чуть позже, чтобы обсудить домашнее задание, – говорю я Сюзанне.

Мэри подхватывает сумку, лежащую у столика для почты.

– Езжайте домой осторожно, – машет им отец, – и скорее возвращайтесь, чтобы мы смогли придумать, как устроить вашу фотосессию.

– Обязательно, мистер Эм, – кивает Мэри.

Дверь за ними захлопывается, и в прихожей остаемся лишь мы с отцом и это жуткое платье.

– Было весело. – Папа закидывает руку на мое плечо.

Смотрю на его подбородок с отросшей за день щетиной и отвечаю:

– Я смотрю, вы наслаждаетесь мыслью о том, как будете устраивать вечеринку перед танцами, мистер Эм.

– Это целиком и полностью идея твоей подруги Мэри. Я здесь всего лишь скромный помощник.

– Ага, конечно.

Он улыбается.

– Хорошо, что они пришли в гости, правда? Наконец-то нашлись девочки, которые, как и ты, презирают яркие цвета в одежде. Я бы не решился отпускать вас ночью одних. Я так могу потерять вас, – подмигивает он мне.

Глава 12

Туман в голове

Я дую на чашку горячего чая с мятой и клубникой и смотрю на коробку с платьем на подоконнике. На тумбочке жужжит телефон.

Джексон: «Завтра поговорим. Спать ложусь».

О'кей, теперь понятно: Джексон зол на меня. Он ждал четыре часа, чтобы так ответить? Хотя я его понимаю; я бы также ответила. Не знаю, как вообще наш

утренний разговор вышел из-под контроля и коснулся Элайджи? Шумно вздыхаю.

– Почему тебя так тяжело забыть? Ты мне даже не особо нравился поначалу, а теперь я ссорюсь с другом из-за того, что он думает, будто у меня еще остались какие-то чувства к тебе. Бредятина! А еще я сижу и разговариваю сама с собой. Пошел ты, Элайджа...

Откладываю телефон, и взгляд мой вновь цепляется за коробку. Я просто надену пижаму и до завтра ни о чем не стану думать. Подхожу к шкафу, сжимаю пальцами задвижку и останавливаюсь. Снова смотрю на коробку. Мы ведь уже открывали ее, и ничего страшного не случилось. Достали платье, и все... Отпускаю дверцу шкафа. Если Сюзанна уже прикасалась к нему, значит, ничего опасного нет, правда?

Я снимаю крышку и достаю изумрудно-зеленое платье. Коробка падает к ногам, а я раскладываю на кровати изысканную ткань. Из-под лежащей на полу тонкой розовой бумаги выглядывает белое кружево. Я убираю бумагу и под ней нахожу кружевные панталоны, лиф и нижнюю юбку. Кто в здравом уме отправляет в подарок «историческое» белье?

Провожу пальцами по гладкому шелку, обводя швы. Я не ношу платья, но должна признать, что этот наряд выглядит потрясающе. Неужели что-то случится, если я его просто примерю?

Выскальзываю из свитера с джинсами и просовываю ноги в изящные панталончики, больше напоминающие шорты. Медленно надеваю каждую деталь одежды, словно подсознательно знаю, как она должна сидеть. Странно. Когда я последний раз пыталась надеть платье в примерочной, то запуталась в нем так, что пришлось звать на помощь.

Когда все белье на мне, подхватываю с кровати платье, надеваю на голову и...

* * *

Перед глазами все плывет, на долю секунды меня охватывает паника, но она исчезает также стремительно, как началась. Я моргаю, и картинка становится

четкой, более яркой и живой, чем я помню.

Полностью облаченная в дневное белье, я стою перед большим овальным зеркалом. Девушка затягивает на мне корсет. Она всего на пару лет старше, одета в темно-серое шерстяное платье, а ее кудрявые каштановые волосы собраны под белым чепцом.

Я ее знаю? Должна вроде, она же меня одевает. Как можно не узнать служанку, которая тебя одевает? Беспокойство возвращается, но растворяется, не успевая овладеть мной. Хватаюсь за живот, когда девушка слишком сильно дергает шнуры корсета.

– Как мне в этом есть?

Я что, собралась есть? Девушка подмигивает мне.

– Маленькими кусочками, мисс, – отвечает она с акцентом.

С британским? Нет, ирландским, пожалуй. Горничная снимает зеленое платье с розовой атласной вешалки и поднимает его над моей головой, помогая просунуть руки.

– У вас самое роскошное платье на всем корабле.

Такое чувство, что в моей голове расплывается туман, когда губы сами движутся, спрашивая:

– Скажи, похожа ли я сама на себя сегодня?

Длинная юбка скользит по ногам, опускаясь на пол, и горничная принимается застегивать ряд маленьких пуговиц у меня на спине.

– Конечно, похожи. Только, может, чу-уточку элегантней в этом платье.

Она осматривает меня в зеркале и проводит руками по бедрам, разглаживая ткань. Ее голос успокаивает, я улыбаюсь.

– Я могла быть элегантней, если б не наступала на подол.

Девушка смеется:

– Скажете тоже! Да вы тут всем утерли нос. Все леди только и говорят про ваши наряды. А один молодой сэр, кажись, наглухо убит вашей красотой. Присядьте, я поправлю волосы.

Лицо горничной усыпано веснушками. Я так и не могу вспомнить ее имя. Ужасно неловко, ведь она, как я понимаю, прекрасно меня знает. Тревога возвращается в третий раз, на сей раз такая слабая и незаметная, что я мгновенно о ней забываю.

Служанка идет к туалетному столику, я сажусь на стул, стараясь ни за что не зацепиться платьем, и смотрю через зеркало, как она закручивает мои волосы в причудливую прическу.

– Кто тебя научил так обращаться с волосами?

– Мать. Я любила поспать подольше, так что, пока я вставала и одевалась, завтрак уже не было на столе. Мама всегда повторяла: «Молли, волосы надо убирать быстро, а есть – медленно».

Девушка улыбается чему-то своему, я тоже не могу сдержать улыбку.

Молли, ее зовут Молли. Она берет шпильку с туалетного столика и закрепляет ей прическу.

– Ну-у-у, и кто же это? – спрашиваю я.

– Моя ма, мисс?

Начинаю хохотать:

– Нет, я про джентльмена, который убит моей красотой?

«Наглухо убит». Кто так выражается вообще?

Молли расплывается в улыбке, когда наклоняется к моему уху:

– Мистер Александр Джессеп-младший. Официантик шепнул по секрету, что, увидев вас, сэр онемел и перестал говорить со своим рара. И чуть не уронил стул, хотел лучше вас разглядеть. Если что, я ничего не говорила. Дядюшка ваш уши мне надерет, если узнает, что я сплетничаю с вами, – тараторит Молли.

От волнения ирландский акцент усиливается: она не успевает произносить слова полностью.

– Никому ни слова, обещаю. – Провожу пальцем по коричневым зубчикам лежащей на столике расчески. – Не припоминаю, чтобы меня знакомили с этим Александром. Покажешь его?

В соседней каюте раздается шум. Молли резко выпрямляется, словно ее ущипнули.

– Давайте я провожу вас к обеденному залу, мисс, – обычным и ровным голосом говорит она, подмигивая мне в зеркале.

Мои непослушные волосы уложены в высокую прическу с бесконечным количеством шпилек. Молли достает золотистую ленту с крошечными жемчужинами, вплетает ее мне в волосы, а я кручусь перед большим зеркалом, любуюсь собой. Этот корсет меня прикончит!

Раздается звук горна.

– Пора ужинать, мисс.

Молли протягивает мне длинный белый плащ, помогая надеть его. Мы выходим из спальни в бордовую гостиную с большими мягкими креслами и камином. Молли придерживает дверь передо мной. Выходя в коридор, внезапно понимаю, что не знаю, куда идти. Все кажется знакомым и одновременно далеким, неведомым. Может, я что-то не то съела и теперь мне дурно?

– Налево, мисс, – говорит горничная, и я послушно сворачиваю. – Через арку направо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ральф Лорен – американский модельер, дизайнер и предприниматель. Основатель компании Polo Ralph Loren, производителя одежды, аксессуаров, парфюмерии, мебели и других товаров для дома.

2

Американский аналог нашего «закона подлости» или «закона бутерброда».

3

Слова из пьесы «За закрытыми дверями» французского философа Жан-Поля Сартра.

4

Канноли – традиционный сицилийский десерт, хрустящая вафельная трубочка с начинкой из рикотты с добавлением различных сиропов.

5

Времен правления короля Эдуарда VII (1901–1910).

Купить: https://tellnovel.com/mezer_adriana/prizrachnyy-omut

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)